

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ № 1 ПО ВЕРСИИ THE NEW YORK TIMES
АЛЕКСАНДРА БРАКЕН

**ТЁМНЫЕ
ОТРАЖЕНИЯ
В ЛУЧАХ ЗАКАТА**

Смотри
фильм —
читай
книгу!

Александра Бракен
Темные отражения.
В лучах заката

Серия «Темные отражения», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40496891

А. Бракен. Темные отражения. В лучах заката: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-110127-5

Аннотация

Неизвестный вирус порастил детей и подростков. В живых остался только каждый десятый. Но кто они теперь – изгои, запертые в лагерях? Все еще люди? Или мутанты, наделенные сверхспособностями?

Руби не мечтала о суперспособностях, но теперь они у нее есть. И каждый день с их помощью она спасает других и выживает сама. Рискую жизнью, Руби отправляется на поиски информации о страшной эпидемии, которая сломала жизнь миллионам людей и расколола страну на два лагеря. Пережив в Нью-Йорке атаку правительственных войск, Руби и группа сопротивленцев продолжают борьбу. По всей стране тысячи детей с необычными способностями томятся в заточении. Они должны обрести свободу. Руби сделает всё, чтобы помочь тем, кого любит.

Содержание

Пролог	5
Глава первая	7
Глава вторая	21
Глава третья	50
Глава четвертая	90
Глава пятая	113
Глава шестая	143
Глава седьмая	162
Конец ознакомительного фрагмента.	175

Александра Бракен

Темные отражения.

В лучах заката

Alexandra Bracken

In the Afterlight

© Alexandra Bracken, 2014

© М. Карманова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Посвящается Меррили, Эмили и множеству других людей – где бы они ни находились, которые без устали трудились для того, чтобы эти книги попали к вам.

С любовью и благодарностью.

*В юности наши сердца опалил огонь.
– Оливер Уэнделл Холмс (младший)¹*

¹ Холмс О. У.-младший (1841–1935) – известный американский юрист США, участник Гражданской войны. Известен своими яркими и афористичными высказываниями.

Пролог

ЧЕРНЫЙ – это цвет, которого нет.

Черный – это цвет тихой, опустевшей детской спальни. Это самый тяжелый час ночи, когда, задыхаясь от очередного кошмара, ты вздрагиваешь в своей постели. Это форма, натянувшаяся на широких плечах сердитого парня. Черный – это грязь, глаза, лишённые век, что следят за каждым твоим вздохом, это низкая вибрация заграждения – устремленное вверх, оно пронзает небо.

Это дорога. Забытая ночная синева, расколота затухающими звездами.

Это ствол нового пистолета, нацеленный тебе в сердце.

Цвет волос Толстяка, синяков Лиама, глаз Зу.

Черный – это обещание завтрашнего дня, обескровленное ложью и ненавистью.

Предательство.

Я вижу его в отражении разбитого компаса и цепенею от горя, которое не дает дышать.

Я бегу, но это моя тень. Она гонится за мной, пожирая и отравляя. Это кнопка, которую никогда не должны были нажать, дверь, которую никогда не должны были открыть, засохшая кровь, которую невозможно смыть. Это обугленные руины. Машина, спрятанная в лесу в надежде на спасение. Это дым.

Это огонь.

Искра.

Черный – это цвет памяти.

Это наш цвет.

Это цвет нашей история, если кто-то захочет ее рассказать.

Глава первая

Чем дальше я удалялась от центра города, тем длиннее становились тени. Мой путь лежал на запад, навстречу заходящему солнцу, которое словно сжигало остаток дня. Именно за это я ненавижу зиму – кажется, будто ночь наступает все раньше и раньше, поглощая свет. Выпачканное смогом небо Лос-Анджелеса было покрыто мазками темно-фиолетового и пепельно-серого.

В других обстоятельствах, пробираясь в наше новое укрытие через несложную геометрию улиц, я была бы благодарна за дополнительное прикрытие. Однако обратившиеся в руины дома – последствия недавней бомбардировки, огороженные территории лагерей и военные посты, груды поджаренных электромагнитным импульсом, теперь бесполезных, брошенных машин основательно изменили облик города. И достаточно было углубиться в эти развалины метров на триста, чтобы окончательно заблудиться. Световой шум, порожденный агрессивной иллюминацией мегаполиса, теперь исчез. И во время ночных вылазок нам приходилось ориентироваться на далекие огни военных конвоев.

Я быстро просканировала взглядом пространство вокруг, одновременно проверяя карман куртки: убедиться, что фонарь и табельный пистолет на месте. И за то, и за другое я была обязана рядовой Моралес, хотя использовать трофеи

можно было только в случае крайней необходимости. Я никому не позволю выследить меня – заметить, как я бегу в темноте. Я обязана вернуться на базу.

Час назад рядовой Моралес не повезло – отправившись в одиночку патрулировать автостраду, она попалась мне на пути. Еще только всходило солнце, а я уже укрылась за перевернутой машиной, наблюдая, как вспыхивает, словно электрическая дуга, залитая непрерывным потоком искусственного света эстакада. Я считала, сколько крошечных фигурок в униформе каждый час проходят по ближайшему ко мне участку, пробираясь туда и обратно между грузовиками и армейскими джипами – в качестве дополнительного барьера машины были припаркованы бампер к бамперу. У меня сводило мышцы, но я боролась с желанием переместиться в другое место.

Мучения оказались не напрасными. Один солдат – и я получила все необходимое для того, чтобы невредимой вернуться на базу. Но, главное, что теперь я знала, как мы можем наконец-то – *наконец-то* — убраться к черту из этого проклятого города.

Прежде чем перебраться через кучу кирпичей, которая когда-то была фасадом отделения банка, я пару раз оглянулась и, стиснув зубы, зашипела от боли, оцарапав ладонь о какой-то острый обломок. Я раздраженно отшвырнула этот предмет – металлическую букву «К», отвалившуюся от вывески – и тут же пожалела об этом. Лязг и скрежет эхом от-

разились от ближайших зданий, почти заглушив еле слышные голоса и осторожные шаги.

Я бросилась вглубь того, что еще осталось от операционного зала, и прижалась к земле, скорчившись за ближайшей стеной.

– Чисто!

– Чисто...

Осторожно высунувшись, я увидела на другой стороне улицы солдат и насчитала двенадцать шлемов. Военные рассыпались в разные стороны, распахивая каждую дверь с выбитыми стеклами, проверяя офисные здания и магазины. *Укрытие?* Я осмотрелась по сторонам и, быстро оценив перевернутую, обгорелую мебель, рванулась к письменному столу из темного дерева и скользнула под него. Скрежет обломков, раздавшийся снаружи, заглушил мое собственное неровное дыхание.

Мои ноздри горели от едкого дыма, запаха обугленной плоти и бензиновой вони, но я не двигалась, прислушиваясь к голосам, пока они не стихли. Оставаясь настороже, я выбралась из-за стола и, не разгибаясь, передвинулась к выходу. Патрульный отряд был по-прежнему в поле моего зрения: они все еще проверяли развалины зданий на нашей улице, но я уже не могла ждать – ни минутой дольше.

Когда я погрузилась в память женщины-солдата и склеила воедино нужные кусочки информации, то почувствовала, будто у меня с души наконец свалился огромный бетонный

блок. Она показала уязвимые места в оборонительных сооружениях вдоль автострады так четко, будто отметила их на карте толстыми черными штрихами. После этого мне осталось только стереть себя из ее памяти.

Я знала, что бывшие агенты Детской лиги придут в бешенство от того, что мое участие действительно сработало. Их собственные операции заканчивались неудачами, количество еды, которую им удавалось доставать, постоянно уменьшалось. Все это время Коул упорно убеждал их отпустить в город меня, чтобы я тоже попыталась. Разрешение было получено, но при условии, что я пойду одна – чтобы больше никого не поймали. Мы уже потеряли двух агентов, которые, отправившись в город, где-то прокололись.

Я всегда была предельно осторожной, но я *начинала* впадать в отчаяние. Настало время действовать, или военные возьмут нас измором.

Армия США и Национальная гвардия создали непреодолимую преграду вокруг делового центра Лос-Анджелеса, используя развитую систему автострад. Эти извивающиеся бетонные монстры стянули внутреннюю часть города тугим кольцом и душили нас, отрезав от остального мира. Трасса 101 блокировала путь с севера и с востока, магистраль I-10 – с юга, а шоссе 110 – с запада. Возможно, у нас был шанс ускользнуть, если бы мы ушли сразу, как только выбрались на поверхность из-под обломков нашей штаб-квартиры. Но... Вспоминая об этом, Толстяк всегда говорил, что

мы были *контужены*. Удивительно, что кто-то вообще был способен двигаться, добавлял он в заключение.

Я должна была это сделать. Я должна была заставить нас идти вперед, снова собрав воедино. Должна, если бы перед глазами не возникало его лицо, навсегда оставшееся в темноте. Я прижала ладонь внешней стороной к глазам, борясь с приступом тошноты и с острой болью, пронзившей голову. *Подумай о чем-нибудь еще. О чем угодно.* Эти головные боли были невыносимы – намного хуже, чем те, которыми обычно заканчивались мои попытки управлять своими способностями.

Останавливаться нельзя. Не обращая внимания на распухшие ноги, я пустилась бежать. От учащенного дыхания болело горло, усталые веки наливались свинцом, но адреналин заставлял меня двигаться вперед, хотя временами казалось, что я вот-вот упаду и отключусь. Я не могла вспомнить, когда последний раз мне удавалось уснуть глубоким, крепким сном, чтобы позабыть о кошмаре, который поджидал нас наяву.

На дорогах пузырился растрескавшийся асфальт, грозились кучи цементной крошки, которую солдатам еще предстояло расчистить. Тут и там глаз выхватывал яркие цветные пятна: красные туфли на высоком каблуке, сумочка, чей-то велосипед – все брошенное и забытое. Еще какие-то почерневшие и обгоревшие предметы вышвырнуло взрывом из окон соседних домов. Пустынная картина разрушения вы-

зывала тошноту.

Перебегая через следующий перекресток, я мельком бросила взгляд вдоль Олив-стрит. Мое внимание привлекло сияющее светлое пятно на Першинг-сквер, в трех кварталах отсюда. На месте парка был разбит лагерь для интернированных лиц, который поспешно соорудили здесь, хотя руины зданий еще тлели. В нем оказались те, кто, к своему несчастью, работал неподалеку, когда президент Грей отдал приказ нанести удар по Детской лиге и по Федеральной коалиции – небольшой группе объединившихся против него бывших государственных деятелей. Считалось, что так он решил ответить на недавнюю попытку покушения, в котором были замешаны одна или обе упомянутые группы. Мы следили за каждым из таких лагерей, рассчитывая найти Кейт и тех, кто ушел вместе с ней. И мы видели, как множится количество задержанных – обычных гражданских лиц, которых удерживали там против их воли.

Но Кейт не было нигде. Если ей и агентам, покинувшем перед атакой Штаб, не удалось выбраться из города, они прятались так хорошо, что даже *мы* не могли их обнаружить, хотя использовали экстренные протоколы связи.

Еще один немногочисленный военный конвой – гул радиостанций и рев шин – обнаружился совсем рядом – за два квартала. Поглотив разочарованный вдох, я спряталась за кузовом внедорожника, выжидая, пока солдаты не пройдут мимо – их сапоги поднимали в воздух облачка бледно-серой

пыли. После чего, выбравшись из укрытия, я снова перешла на бег.

Мы – Лига или то, что от нее осталось – каждые несколько дней перемещались на новое место, никогда не задерживаясь на одном складе надолго. Когда мы совершали вылазки в поисках еды или воды или отправлялись наблюдать за лагерями военнопленных, при малейшем намеке на то, что кто-то мог сесть нам на хвост, мы уходили. И, конечно, это было правильно. Но я поймала себя на том, что не помню, в каком месте сейчас обосновалась наша группа.

Когда я наконец добралась до восточной части города, здесь стояла такая тишина, что это безмолвие действовало на нервы сильнее, чем симфония пулеметного огня и звуков перезаряжаемого оружия, которая наполняла воздух вблизи Першинг-сквер. Я крепко сжала в руках фонарик, но все равно не могла заставить себя его включить – даже когда врезалась локтем в оштукатуренную стену. Я взглянула на небо: новолуние. Конечно.

Тревожное предчувствие, то самое, которое уже не первую неделю поселилось у меня на плече, нашептывая на ухо темные мысли, теперь превратилось в клинок, пылавший в моей груди. Медленно погружаясь в мою плоть, он разрывал ее на части. Я откашлялась, пытаясь очистить легкие от отравленного воздуха. Выбежав на очередной перекресток, я заставила себя остановиться и забилась в нишу в стене – туда, где раньше стоял банкомат.

«Глубоко вдохни, – приказала я себе. – По-настоящему глубоко». Я попыталась встряхнуть кистями рук, чтобы сбросить напряжение, но ощущение опасности никуда не делось. Закрыв глаза, я слышала, как где-то вдалеке стремительно рассекает воздух вертолет. Какое-то шестое чувство – чутье, которое изводило и не давало успокоиться – подталкивало меня свернуть на Бэй-стрит, а не продолжать идти по Аламеда-стрит до перекрестка с Севенс-стрит. Последний маршрут позволял быстрее добраться до нашей нынешней базы, расположенной между Джесс-стрит и Санта-Фе-авеню, чтобы как можно быстрее передать остальным информацию, выработать план и *убраться отсюда*.

Но если кто-то следил за мной и шел по моим следам, я смогу избавиться от них на Севенс-стрит. Мои ноги сами решили за меня и понесли на восток, по направлению к реке Лос-Анджелес.

Через полтора квартала изнурительного бега я заметила тени, которые двигались по Матео-стрит в направлении к Севенс-стрит. Я резко остановилась, выбросив руки вперед, чтобы схватиться за почтовый ящик, чтобы не позволить инерции вынести меня на середину улицы.

Я резко выдохнула. *Слишком близко*. Вот что происходит, когда забываешь притормозить и убедиться, что улица действительно безопасна. Я потеряла виски, ощутив, как в них бьется мой бешеный пульс. По лбу растекалось что-то теплое и липкое, но сейчас было не до таких мелочей.

Пригнувшись как можно ниже, я двинулась дальше, стараясь понять, куда направляются эти солдаты. Они подошли слишком близко к нашей базе. Но если я смогу сбить их со следа, то, возможно, мне даже удастся их опередить. И, вернувшись в укрытие, я успею предупредить остальных, чтобы сматывались.

Но солдаты вдруг... остановились.

Дойдя до угла перекрестка, они подошли к разбитому фасаду бывшего магазина – похоже, когда-то в нем продавали товары для дома, – переступили через разбитые витрины и вошли в помещение. Я услышала смех, голоса... И кровь застыла у меня в жилах.

Это были не солдаты.

Я подкралась к магазину, в темноте провела рукой по стене, пока не нащупала оконный проем, и присела рядом.

– ...где ты это нашел?

– ...Отличная штука, приятель!

Снова смех.

– Боже, никогда не думал, что буду так чертовски рад увидеть бублики.

Я заглянула в окно. Трое наших агентов – Фергюсон, Гейтс и Сэн – сидели на корточках, а перед ними лежала небольшая кучка продуктов. Гейтс, бывший спецназовец, с такой силой рванул пакет с картофельными чипсами, что чуть не порвал его пополам.

У них есть еда. У меня это в голове не укладывалось. Они

ее едят там. Я просто не могла в это поверить. Я была настолько ошарашена увиденным, что пришлось переваривать по одной мысли за раз.

Они не собираются приносить еду остальным.

Неужели то же самое происходило всякий раз, когда агенты устраивали очередную вылазку? Они были так убедительны, настаивая на том, что сами должны отправляться за припасами. Себе я объясняла это страхом: если кого-то из детей схватят, пленный обязательно выдаст нынешнее местоположение группы. Но может, настоящая причина была в другом? Может, они хотели забрать все лучшее из того, что найдут?

От охватившей меня холодной, ледяной ярости пальцы скрючились, как когти. Обломанные ногти впились в ладони – к тошнотворному чувству добавилась вспышка боли.

– Боже, это великолепно, – протянула Сэн.

Это была здоровенная тетка – высокая, с накачанными мышцами, туго обтянутыми упругой, плотной кожей. На ее лице всегда было такое выражение, будто... будто она знала больше других, все самые страшные секреты, потому что сама была их частью. Если она и снисходила до разговора с кем-то из нас, детей, то, в основном, чтобы, рывкнув, приказывать нам заткнуться.

В наступившей тишине я ждала продолжения, и с каждой секундой во мне разгорался гнев.

– Нам нужно возвращаться, – проговорил Фергюсон, приготовившись подняться на ноги.

– Все в порядке. Даже если Стюарт попытается что-то сделать, там есть Рейнолдс, который позаботится о том, чтоб он больше не вякал.

– Я больше беспокоюсь о...

– Пиявке? – подхватил Гейтс, утробно захохотав. – Ею мы займемся потом. Если она вообще вернется.

Это заставило меня поднять брови. *Пиявкой* только что называли меня. Это было нечто новое. Мне давали прозвища и похуже, но сейчас меня оскорбило предположение, что я не смогу пробраться туда и обратно, не будучи пойманной.

– Она намного ценнее других, – возразил Фергюсон. – Это только вопрос...

– Это вообще не вопрос. Она не подчиняется нам, а значит, она – помеха.

Помеха. Я прижала кулак ко рту, чтобы справиться с гневом. Я знала, как Лига обходилась с «помехами». И я знала, как *я сама* обошлась бы с агентом, который рискнет.

Сэн откинулась назад, опираясь руками о пол.

– Так или иначе, план остается прежним.

– Хорошо. – Гейтс смял пакет от чипсов, которые только что сожрал. – Сколько из этого отнесем им? Я бы не отказался от еще одного бублика...

Пачка соленой соломки и пакет с булочками для хот-догов. Вот что они собирались принести семнадцати детям и тем агентам, которые вынуждены были работать няньками, пока остальные отправлялись на разведку и за едой.

Увидев, что эти трое собираются встать, я вжалась в стену, ожидая, пока агенты перешагнут через витринное окно и дойдут до перекрестка. Сжимая кулаки, я двинулась следом за ними, держась на значительном расстоянии, пока перед нами наконец не замаячило здание склада.

Собираясь перейти последнюю улицу, Сэн подняла зажигалку над головой – так, чтобы пламя мог увидеть агент, дежуривший на крыше. В ответ послышался тихий свист: путь свободен.

Я побежала, нагнав Сэн, которая уже стояла у пожарной лестницы, собираясь последовать за остальными.

– Агент Сэн! – хрипло прошептала я.

Женщина резко обернулась. Одной рукой она ухватилась за перила, другая дернулась к кобуре с пистолетом. И только сейчас до меня дошло: пока я шла за ними, все это время моя рука тоже сжимала пистолет в кармане куртки.

– Что?! – бросила она, махнув Гейтсу и Фергюсону, чтобы те поднимались дальше.

Не рада меня видеть, да?

– Мне нужно кое-что вам сообщить... Это... – Я надеялась, что Сэн примет дрожь в моем голосе за страх, а не за еле сдерживаемый гнев. – Я не могу доверять такую информацию Коулу.

Ага попалась! Ее зубы сверкнули в темноте.

– И что же это за сведения? – спросила агент.

И тогда я тоже улыбнулась. А потом вломилась в ее со-

знание, и мне было наплевать, если оно распадется на части. Я прорывалась сквозь воспоминания о койках, тренировках, штаб-квартире, агентах, отбрасывая ненужные картинки быстрее, чем они успевали сформироваться в моем восприятии. Я чувствовала, как женщина дрожит под натиском моей атаки.

Выхватив один из образов, я сразу поняла, что нашла! Сэн представляла это так ярко, продумав настолько отвратительно хорошо, что даже я недооценивала, на что она была способна. Все в этой идее фальшиво блестело, как разогретый воск. В поле зрения возникали машины, а в лицах, наполовину скрытых кляпом, я узнавала детей, что ждали нас наверху. Военная форма цвета хаки. Черная форма. Сделка.

Вынырнув на поверхность, я задыхалась, хватая воздух, а легким не хватало кислорода. Меняхватило на то, чтобы изменить ее память, и подложить фальшивое воспоминание о том, что произошло за последние минуты. Я не стала ждать, пока женщина придет в себя, и, оттолкнув ее, начала карабкаться по лестнице.

«Коул! – Мысли путались, и у меня темнело в глазах. – Мне нужно рассказать Коулу».

И убраться подальше от агента Сэн прежде, чем я поддамся пугающему искушению всадить в нее пулю прямо здесь и сейчас.

Потому что таким, как она, было мало воровать еду и угрожать нас бросить, если мы не будем вести себя тише,

двигаться быстрее, *успевать* за остальными. Сэн хотела разделаться с нами раз и навсегда – передать той единственной группировке, которая, как она думала, сможет действительно нас контролировать.

А на полученное вознаграждение она планировала нанести новый удар.

Глава вторая

Когда я наконец оказалась на втором этаже склада, у меня все полыхало в груди, а сознание погрузилось в мешанину темных мыслей и ужаса. Сэн поднималась следом за мной, и пожарная лестница с грохотом затряслась, а я не успела быстро нырнуть в окно. Слегка отодвинув черную форменную куртку, которую на него повесили, чтобы тусклое освещение не заметили с улицы, я перекинула ноги через подоконник и спрыгнула внутрь.

Темноту пространства разбивали островки неровного пламени свечей. И мои глаза в панике заматались между ними. Мне показалось, что все дети столпились в дальнем углу комнаты – будто Гейтс и Фергюсон приказали им собраться там в обмен на еду.

«*Коула нет*, – подумала я, нервно вцепившись руками в волосы. – *Вот черт*». Он был мне нужен. Он должен это знать – нам нужно придумать, что же теперь делать.

– Даже маленькая благодарность дорогого стоит, – усмехнулся Гейтс.

Его слова словно разрушили оцепенение, в которое до этого была погружена притихшая комната. Сразу же зазвучали голоса, торопливо и еле слышно произносившие «спасибо», а потом дети вернулись на свои места. Они не смели поднять глаз, лишь изредка поглядывая друг на друга. Те-

перь я так ясно увидела то, чего мне не хотелось признавать раньше. Мы провели месяцы – даже годы, тренируясь вместе с агентами и сражаясь с ними бок о бок. Но в ту секунду, когда они убедили себя, что мы – лишь чеки, которые нужно обналичить, ничто из этого больше не имело значения.

Я выхватила из мрака три лица, которые высматривала с самого начала. Темно-бронзовую кожу Вайды, которая тоже вернулась с вылазки, украшал неприятного вида порез, а Толстяк пытался его забинтовать. Рядом с ним лежал черный рюкзак. Я с облегчением выдохнула, но тут же прикусила губу, чтобы по моему лицу никто ничего не заметил. В рюкзаке лежали материалы исследования, которые я спасла, когда Клэнси пытался их сжечь. Листки с таблицами, графиками и всякой медицинской мутью – все, что собрала его мать в поисках лекарства от ОЮИН.

– Бабуля, клянусь богом, если ты не прекратишь меня доставать... – прошипела Вайда.

– Дай мне просто продезинфицировать! – спорил с ней Толстяк.

Лиам сидел, прислонившись к стене, согнув ноги и положив на колени руки. И он то и дело мрачно косился на Гейтса. Это суровое выражение застыло на его лице с того дня, когда Штаб Лиги подвергся атаке. Парень не стал тянуться за едой и, получив свою порцию, отдал ее Толстяку.

Агенты выдадут и его тоже. Что, если бы сегодня я не заметила этих агентов, а потом не остановилась и не услы-

шала, о чем говорили Сэн и остальные? Они собирались водить нас за нос и дальше и через несколько дней провернуть сделку. И я бы уже ничего не смогла сделать. Но почему я вообще решила, что могу защитить всех? Я не смогла спасти даже *одного* тогда, когда это было важнее всего. *Джуд...*

Проходя мимо, Сэн толкнула меня в плечо, а я и не почувствовала...

Я понимала, где нахожусь, но что толку, потому что прямо сейчас я снова оказалась в тоннеле, вслепую пробираясь через обрушившиеся стены, которые грозили нас раздавить. Меня преследовали звуки далеких криков, паника в невидящих глазах и скрежет трескавшегося бетона. Я слышала, как осыпается земля, обволакивая все вокруг удушливым облаком. Я зажмурилась, но передо мной возникло веснушчатое лицо Джуда. Его светло-карие глаза широко распахнулись, когда он увидел, что подошла к концу его собственная жизнь. Картины недавних событий проплывали передо мной, и ничто не могло остановить этот поток. И не было ни одного хорошего воспоминания, которое оказалось бы достаточно сильным, чтобы все это стереть. То, что продолжало жить в моем воображении. То, как Джуд навсегда исчез в темноте.

Я все еще была там, отрезанная от реального мира. В моем теле гудел каждый нерв, словно перед решающим броском. Давление внутри меня нарастало и грозило разнести в клочья все мои попытки удерживать себя под контролем. И осо-

знание того, что этот взрыв произойдет на глазах у остальных, отнимало последние силы.

Прикосновение к моему запястью было таким осторожным, что я не сразу его почувствовала, но достаточно настойчивым, чтобы развернуть меня к двери, и достаточно крепким, чтобы меня удержать, когда я на подгибающихся ногах сделала этот первый шаг.

Я вышла из комнаты, стены которой, казалось, сжимались вокруг меня, в такой же темный коридор. Здесь было гораздо холоднее, и мне больше не казалось, что от огня, текущего в моих венах, кожа моя сейчас пойдет пузырями. Отойдя от двери так, чтобы меня не было видно из комнаты, я опустилась на пол, уткнувшись лбом в согнутые колени. Знакомые руки сняли с меня куртку и убрали с затылка промокшие от пота волосы.

– Все нормально, милая, – произнес голос Лиамы. Что-то ледяное коснулось моей шеи – может, бутылка с водой. – Просто дыши глубже.

– Я... не могу... – выговорила я между судорожными вдохами.

– Конечно, можешь, – спокойно сказал он.

– Мне нужно... – Мои руки метнулись к шее в попытке разорвать невидимую веревку, стянувшую горло.

Поймав мои ладони, Лиям прижал их к своей груди.

– Сейчас ничего не нужно, – мягко проговорил он. – Отдохни. Все в порядке.

«Ты даже не представляешь, насколько это не так», — хотелось ответить мне. Острая боль прошла мой правый висок, и с каждой секундой там пульсировало все сильнее.

Но возможность касаться его дарила облечение. Я заставляла себя дышать в том же ритме, в каком поднималась и опускалась его грудь. Прохладный воздух помог мне постепенно разобраться в бардаке, который творился у меня в голове, а во лбу нарывом пульсировала пылающая точка. Давление ослабило свою хватку настолько, что я смогла распрямиться и откинуться на стену.

Лиам по-прежнему сидел передо мной на корточках, его голубые глаза пристально вглядывались в мое лицо. Складка между бровей разгладилась, и он сам тихонько выдохнул. Парень взял бутылку и смочил водой бандану, которую вытащил из заднего кармана. Медленно и нежно он стер кровь и грязь с моих рук и лица.

— Лучше?

Я кивнула и, забрав у него бутылку, отпила глоток воды.

— Что случилось? — спросил он.

— Я просто...

Я не могла ему сказать. Они с Толстяком уже не один день планировали, как нам сбежать, когда придет время покидать город. Лиаму была чужда ненависть, однако агентов он ненавидел всей душой. И если я проговорюсь, Лиам попытается убедить нас уйти сегодня ночью. Или, что еще хуже, он может случайно выдать себя агентам. Лиам никогда не умел

скрывать свои чувства так, как это делал Коул. Они смогут прочесть их легко, как газету, и также быстро избавятся от парня, чтобы он не предупредил остальных.

– Просто... просто... на меня слишком много навалилось.

– И такое часто происходит? – Лиам уселся напротив меня, скрестив ноги.

Господи. Об этих приступах я тоже не хотела говорить. Не могла, даже с ним. Тогда мне пришлось бы говорить о Джуде, о том, что случилось, и еще о многом, о чем мы так и не успели объясниться, а потом все полетело в тартарары. По крайней мере, мне казалось, что он это понимает.

– Тебя весь день не было, – сказал Лиам. – Я начал беспокоиться.

– Не сразу удалось найти того, кто мог бы оказаться полезным, – ответила я. – Так что я не просто болталась по городу.

– А я этого и не говорил, – отозвался Лиам. – Мне просто хочется, чтобы ты предупреждала, когда уходишь...

– Я не думала, что обязана это делать.

– Ты не *обязана*. Я тебе не надзиратель. Я просто испугался, ясно?

В ответ я промолчала. Вот что происходило в последнее время между нами. Мы были вместе, но не так, как это было важным для меня – не так, как это ощущалось буквально несколько месяцев назад. Я предала Лиаму. Кто знает, станет ли у нас когда-нибудь все снова как прежде. И пусть это не помогало, но единственным способом справиться с новой

реальностью, была попытка скрыть то, что происходило сейчас во мне, не позволить чувству вины вырваться наружу и разрушить кого-то еще. Поэтому я тщательно отгораживалась от Лиамы невидимой стеной, выстраивая ее кирпичик за кирпичиком, даже когда я обнимала его, держала его за руку, целовала.

Это было эгоистично, и я это понимала – брать так много и не давать ничего взамен... Но он был нужен мне здесь. Мне нужно было чувствовать, что он прикрывает мою спину, что он на моей стороне. Мне нужно было видеть его лицо и слышать его голос, и знать, что он в безопасности и я могу его защитить. Только это давало мне силы прожить очередной день.

Но рядом с Лиамом было невозможно сдерживаться и мыслить логично, расставляя приоритеты. Он умел говорить и знал силу слов. Он чувствовал и понимал все глубже всех, кого я знала. Уже несколько дней он пытался заговорить со мной об этом. *Ты не виновата в том, что случилось с Джусдом. И в том, что случилось в нашем убежище...*

– Руби, серьезно, что случилось? – спросил он, осторожно взяв меня за запястья.

– Прости, – прошептала я. А что еще я могла сказать? – Прости меня... Я не хотела быть такой... я не хотела на тебя набрасываться. Ничего такого не случилось. Конечно, я должна была тебе сказать, что ухожу, но мне пришлось делать это в спешке.

А еще я знала: ты попытаешься убедить меня, что это слишком опасно, и не хотела спорить.

– Но теперь у нас есть информация. Я знаю, как нам выбраться отсюда.

Губы Лиамы сжались в тонкую линию, когда он изучающе посмотрел на меня. Похоже, этот ответ его не удовлетворил, но парень так хотел поговорить о другом, что не стал допытываться.

– Значит, мы наконец-то можем обсудить, что делаем дальше?

– Коул не хочет нас отпускать.

Особенно тебя.

– Мы можем найти моих родителей...

– Но ведь колесить по округе в поисках твоей мамы и Гарри так же опасно, как оставаться здесь с остальными? – спросила я. – Это наше сражение... То, к чему мы все это время стремились, помнишь? И Коул пообещал мне, что сейчас мы действительно постараемся помочь детям – попытаемся вытащить их из лагерей.

По крайней мере, именно об этом мы мечтали, когда находились в Ист-Ривере. Тогда именно Лиам стал вдохновителем этого плана: найти способ и вызволить детей из реабилитационной программы. Я наивно надеялась, что все, что случилось потом, не убило его мечту. Но когда я произносила последние слова, взгляд Лиамы метнулся в сторону двери в самом конце коридора. Там, за этой дверью, скрывался

монстр, и входить к нему было разрешено только мне и Коулу.

– Да, сейчас Коул так говорит, и, быть может, агенты пока на нашей стороне, – парировал Лиам. – Но сколько так будет продолжаться, пока они не вспомнят о своем собственном интересе?

Я попыталась сохранить невозмутимый вид. *Они уже о нем вспомнили.*

– Это больше не Лига.

– Именно. И дела могут пойти совсем плохо.

– Только если мы не попытаемся этому помешать, – сказала я. – Может, хотя бы выждем немного? Посмотрим, что будет дальше. Если все полетит к чертям, мы сбежим, обещаю. По крайней мере... Я должна понять, спаслись ли Кейт и те, кто ушел с ней. Если да, они будут нас ждать. У нее же флешка с исследованиями корпорации «Леда», связанными с ОЮИН. Если мы сможем собрать эти сведения воедино и узнаем о лекарстве – мы не только поможем самим себе – мы поможем *всем* детям, которые будут после нас.

Лиам покачал головой.

– Я не хочу сказать, что ты рисковала напрасно. Но что, если на страницах, которые ты вытащила из огня, нет ничего полезного? И пусть даже эти сведения невероятно важны, но есть они или нет, в нашей жизни все останется по-прежнему. Я не хочу, чтобы мы просто... постоянно думали об этих листках в надежде, что однажды, когда-то потом, от них что-

то будет зависеть.

Умом я понимала, что Лиам был во всем прав, но эти слова пробудили во мне такое яростное отрицание и такой сильный гнев, что я едва не оттолкнула его. Сейчас я не хотела смотреть в лицо реальности. Мне нужна была надежда, что взглянув на обгоревшие страницы, я когда-то увижу в них нечто большее, чем знакомые слова: «Проект «Снегопад». ОЮИН. Профессор».

И если я откажусь от этой последней крупички надежды, значит, те несколько секунд, когда я взяла верх над Клэнси, не означали победу. Пусть даже она продлилась всего-то мгновение. Это будет означать, что, в конце концов, выиграл он. Оставленный умирать, он смог выжить, а информация, которую он так упорно пытался уничтожить, оказалась бесполезной.

Нам было это нужно. *Мне* было это нужно. Перед мои глазами встали лица моих родителей – их скрывала тень. Картинка исчезла, и на смену ей пришла другая: Сэм, ее лицо тоже в тени. В боксе № 27 всегда царил полумрак, и казалось, что щеки ее совсем ввалились. Секунда, и она растаяла в воздухе, словно призрак. Новые лица потянулись передо мной бесконечной вереницей – лица тех, кого я оставила за электрическим ограждением в Термонде.

Мои пальцы с такой силой вонзились в колени, что ногти почти продырявили ткань. Печальная правда – и неважно, насколько упорно я отказывалась это признавать – заключа-

лась в том, что в этих записях отсутствовало ключевое звено. И единственным человеком, владевшим этой информацией, была мать Клэнси, Лилиан Грей – и Клэнси позаботился, чтобы мы ее никогда не нашли.

– Я не сдаюсь, – жестко сказал Лиам. – Если это не работает, мы придумаем то, что работает обязательно.

Я потянулась, чтобы провести пальцами по его щеке, погладить отросшую короткую щетину. Он вздохнул, но не отодвинулся.

– Я не хочу спорить, – тихо сказала я. – Я никогда не хотела спорить с тобой.

– Так и не надо. Все же просто, дорогая. – Лиам прижался своим лбом к моему. – Но нам нужно принимать такие решения вместе. О всяких важных вещах. Пообещай мне.

– Обещаю, – прошептала я. – Но мы должны добраться до Ранчо. Нам обязательно нужно туда попасть.

До того, как построили Штаб, Лига размещалась в Северной Калифорнии, на базе, которой, явно с любовью, придумали кодовое имя «Ранчо». Теперь это место тщательно охранялось в соответствии со своим статусом – это была база «последней надежды», куда можно было отступить в самом крайнем случае. Только старшие агенты, включая Коула, начинали там и знали, как ее найти.

Если Кейт удалось выбраться, она будет ждать нас на Ранчо. Я представляла, как она идет по пустому коридору, словно ожидая, что в любой момент любая из дверей откроется,

а из нее покажется кто-то из нас. Кейт бы не стала нарушать инструкции. Сейчас она, наверное, с ума сходит от беспокойства.

В сознание просочилась одна мысль, вытеснившая все иные, внушавшие надежду. *Мне нужно будет сказать ей.*

Ну почему я не подумала об этом? Она же не знает – откуда ей было узнать. *Она доверяла мне. Она просила меня позаботиться о нем.* Она не догадывается, что Джуд...

Я закрыла глаза, сосредоточившись на том, что Лиам мягко гладит меня по спине и как его рука двигается вверх-вниз.

– ...какого *черта*? – из комнаты донесся резкий голос Сэн, и наше уединение мгновенно было разрушено. – Стюарт, ты совершил немало идиотской хрени – и я имею в виду *действительно много* – но это, это...

– Просто гениально? – подсказал Коул, и я почти услышала улыбку в его голосе. – Не стоит благодарности.

Я быстро оказалась на ногах, запоздало поймав раздраженный взгляд Лиамы.

– Пойдем, – поторопила его я. – Что-то происходит.

– Ну да, ну да, – буркнул парень, и я ощутила его руку у себя на поясице. – А разве бывает, чтобы с ним ничего не происходило?

Агенты так тесно столпились у окна, что поверх их голов мне была видна только черная вязаная шапка Коула. Найдя глазами детей, я обнаружила, что почти все они повскакали с пола и обратились в слух.

– Ру?

Услышав этот голос, я застыла, а внутри у меня все сжалось. Я повернулась к Нико.

– Да?

– Тут все... – Мальчишка кивнул в сторону агентов. – Тут все в порядке?

– А ты как думаешь?! – отрезала я.

Нико вздрогнул, точно я его ударила, и почему-то это разозлило меня еще сильнее. Однако во мне не осталось сочувствия. К печальному, перепуганному предателю Нико.

С тех пор, как стало понятно, что никакие электронные устройства восстановить не удастся и двое Желтых, что у нас остались, не смогут их запустить, Зеленые не знали, чем себя занять. Большую часть времени Нико спал. А когда бодрствовал, признавал только меня и Вайду, изредка перекидываясь с нами парой слов.

Раньше я жалела его, зная как Клэнси им воспользовался. Но потом эта жалость полностью улетучилась: если бы Нико не выдал Клэнси информацию о проекте «Снегопад» и местонахождение его матери, если бы он не оказался настолько глуп, чтобы попросить сына президента нас выследить – всего, что случилось, могло бы не произойти. И Джуд был бы жив, и мы бы не оказались в ловушке в той адской дыре, в которую превратился Лос-Анджелес.

– Руби... – начал было Лиам, и в его голосе прозвучало неодобрение.

Мне было все равно. И утешать сейчас Нико я точно не собиралась.

Увидев, как Толстяк и Вайда проталкиваются между агентами, чтобы подойти к нам, я махнула им. Однако Толстяк сразу же набросился на меня:

– Ты в порядке? Тебя ранили?

– Нет, Бабуля, она умирает. Она истекает кровью у твоих ног. – Вайда закатила глаза. – Ты нашла, что хотела?

– Да...

– Прости, что позволил себе выразить беспокойство о своем *друге*, – прорычал Толстяк, резко повернувшись к ней. – Я понимаю, что для психопата это навсегда останется чуждым для понимания...

– Этот психопат спит меньше, чем в метре от тебя, – напомнила ему Вайда своим самым милым и сладким голосом.

– Ого, у нас такие добрые друзья, – пробормотал себе под нос Лиам.

Но я уже не вслушивалась в их перепалку. Коул посмотрел в нашу сторону, подняв брови в немом вопросе. Я кивнула, и он снова повернулся к той, что стояла у него за спиной.

Это была женщина средних лет с оливково-смуглой кожей. Лицо ее было морщинистым и усталым. Волосы, уложенные в пучок, растрепались и выглядели тускло-серыми. Была ли это седина или просто цементная пыль, которая накрыла город? Юбка когда-то дорогого темно-синего платья разорвалась по шву. Большие темные глаза незнакомки ска-

нировали комнату, чуть дольше задерживаясь на детях.

– Знаете, кто это? – спросил Коул.

– Гражданское лицо, которое теперь может опознать всех нас и выдать военным! – выпалила в ответ Сэн.

– Меня зовут Анабель Круз, – представилась женщина с достоинством, удивительным для человека, ковыляющего на сломанных высоких каблуках.

– Ну вы и бараны, – покачал головой Коул, обнаружив отсутствие какой-либо реакции. – Это сенатор от Калифорнии. Отдел международных связей Федеральной Коалиции. Она налаживала контакты с другими странами и вела переговоры о получении помощи.

Однако Сэн не выглядела впечатленной. Она снова повернулась к Коулу, уперев руки в бока.

– Ты хотя бы потрудился проверить та ли она, за кого себя выдает? Если она связана с ФК, почему ее не отправили в лагерь временного содержания?

– Я могу ответить сама, – вмешалась сенатор Круз, и ее глаза сверкнули. – Когда начался налет, меня не было в штабквартире – я встречалась с «Рупором».

– С подпольным информационным агентством? – уточнил Гейтс.

Лиам озадаченно повернулся ко мне. Стараясь не вдаваться в детали, я тихонько рассказала ему все, что знала. Агентство существовало уже два года, ну, может, три. Кажется, там в основном работали репортеры и редакторы, оказавшиеся в

черном списке Грея за то, что поднимали «опасные» темы. Например, о восстаниях и протестах, из-за чего им потом пришлось скрываться.

Лиам открыл рот, словно собираясь что-то сказать, и глаза его вспыхнули.

– Что, да... – Коул посмотрел на агентов. – Я понимаю, что это в какой-то степени характеризует, насколько здраво она мыслит...

– Простите? – Сенатор скрестила руки на груди.

– Он имеет в виду, что информационные вбросы «Рупора» чаще всего мало кто замечает. Несколько секунд славы, пока Грей в очередной раз не прикроет их деятельность, – сказала Сэн, снисходительно глядя на Анабель Круз. – Они публикуют высосанные из воздуха сенсации на своей интернет-страничке и в социальных сетях, которые еще не заблокировали. У них слишком маленькая аудитория. И вся их деятельность ни черта не стоит.

Очевидно, на этот счет мнение Коула и Сэн совпадали.

– Репортер застрял в городе вместе с ней, – объяснил Коул тем, кто толпился в комнате. – Я проводил обычную разведку местности и услышал, как военные штурмуют здание неподалеку. Они охотились на *него*, а не на нее. Парня застрелили на месте, и, вероятно, поступили бы так же и с ней, если бы Анабель не назвала себя.

– И тут ворвался ты и спас ситуацию? – Сэн пожала плечами. Ненависть, которую я испытывала к этой женщине,

начала одерживать верх над благоразумием и выдержкой. Я произвольно сделала еще шаг вперед. – Итак, все, чего ты добился – притащил сюда лишний рот, который нужно будет прокормить.

– Кстати, об этом. – Коул сбросил с плеча набитый рюкзак и швырнул его одной из Зеленых. – Нашел один фреш-бар, и в его холодильниках кое-что неплохо сохранилось. Не много, но все лучше, чем та дрянь, которую мы ели до сих пор.

Девочка посмотрела на него так, будто он только что протянул ей праздничный торт, который сам испек и покрыл глазурью. Толстяк мгновенно, будто телепортировавшись, оказался у рюкзака и уже расстегивал молнию. Остальные выстроились у него за спиной, благодаря Коула – кто-то попытался передать ему целое яблоко.

– Я не голоден. Но спасибо.

Обернувшись к Сэн, парень все еще улыбался, и его улыбка стала даже шире, хотя Сэн смотрела на него с нескрываемым презрением. Но я видела нечто опасное в его спокойствии, в том, как он наклонил голову. Как спичка, которая только и ждет, чтобы ею чиркнули обо что-то хоть немного шершавое.

– Сэн, я немного удивлен. Я думал, ты будешь в восторге: такой человек присоединился к нашей команде. Как только мы выберемся отсюда, ее поддержка окажется как нельзя кстати. Сенатор поможет нам рассказать всему миру о том, что мы делаем, – наконец сказал Коул. Голос его прозвучал

доброжелательно и непринужденно. – Мы же собираемся начать с чистого листа, разве нет?

Ну да, конечно. Сэн была совершенно не заинтересована в том, чтобы поведать о нас всему миру. Она хотела выжечь до основания все, что имело к нам какое-то отношение. Но все-таки сейчас прозвучал вопрос, который требовал ответа. И еще вызов. Молчание затягивалось, и стало заметно, как, переминаясь с ноги на ногу, переглядываются другие агенты. Некоторые из Зеленых, самые сообразительные, определенно понимали ситуацию лучше, чем те, кто уже списал новый всплеск напряженности на обычные проблемы и недовольство.

Он знает. Внезапно догадалась я. Может, Коулу и не были известны все детали. Но то, что агенты собираются отказаться от своего обещания помочь нам в освобождении пленных, не было для него тайной. Он провоцировал ее, вынуждая признаться в этом в присутствии детей.

– Я буду рада обсудить с вами мои идеи, – произнесла сенатор Круз. – Исходим из того, что у нас есть способ покинуть город?

Внимание всех присутствующих переключилось на меня.

– Да. Как мы и думали, у властей недостаточно людей, чтобы одновременно патрулировать все улицы и охранять многокилометровое шоссе. Военные установили заграждения и прожекторы, но по ночам машины стоят пустыми.

Я подошла к приколотой на стену карте дорог Лос-Андже-

леса, которую мы обнаружили неподалеку в брошенном автомобиле. И показала на три точки, которые увидела в сознании той женщины-солдата. Мой голос звучал уверенно, хотя страшные картины уготованной для нас участи уже заполнили задворки моего сознания. СПП. Вышитые красным буквы «пси». Стяжки-наручники. Кляпы. Деньги. Оружие. Я старалась не смотреть на агентов. Теперь, когда я знала, чего они на самом деле хотят и как собирались отплатить мне за то, что я помогла им убрать свои задницы из этого города, тихий темный голосок в моей голове начал нашептывать мне: «*Соври*». Он подговаривал меня скрыть несколько важных деталей. Чтобы агенты попали в опасную переделку и чтобы им надавали как следует.

– Вот, – сказал Коул, вручая мне ручку. – Сможешь показать?

Гейтс буркнул что-то себе под нос. Повернувшись к нему и скрестив руки на груди, я посмотрела мужчине прямо в глаза. Он тут же отвел взгляд, сделав вид, что вытирает рот и нос о рукав. Вспышка страха, которую я увидела в его лице, придала мне больше уверенности, чем даже ободряющее прикосновение Коула, который встал у меня за спиной, чтобы изучить сделанные мной отметки.

– Уверена, что на самом деле их больше, – добавила я. – Но я увидела только эти.

Коул окинул взглядом комнату, просчитывая в уме, сколько человек будет в каждой группе, если существует только

три потенциальных выхода. Семнадцать детей. Двадцать четыре агента, при том двадцать человек входили в группу, которую подтянули, чтобы освободить Штаб. Их было больше, но одни погибли во время первой атаки, а остальные дезертировали. Получалось восемь групп по пять или около того. Задача была вполне выполнима.

– Мы должны действовать быстро и точно рассчитать время, – вмешалась Сэн. – Возможно, до тех мест, куда не достал электромагнитный импульс, десятки километров. Которые придется пройти пешком.

– Это было отмечено на карте, которую я видела, – сказала я и обвела ручкой новые территории. На западе – Беверли-Хиллз, на востоке – Монтерей-Парк, на севере – Гленд-эйл, на юге – Комптон. Не такое уж гигантское пространство. По крайней мере, я ожидала чего-то большего.

– Сегодня же разделимся на команды, отправляемся через несколько часов. В три или в четыре часа утра.

– Нам нужно подробно обсудить стратегию, – возразил Гейтс. – Собрать припасы.

– Нет, все, что нам нужно – это к черту убраться из этого города, – отрезал Коул. – И как можно быстрее. Остальные ждут нас на Ранчо.

Я сжала его запястье и бросила короткий взгляд в сторону двери.

Парень едва заметно кивнул, а затем снова обратился к тем, кто сгрудился вокруг него.

– На сборы времени немного, потому что скоро мы выдвигаемся. Да, именно так, Блэр, – кивнул он, повернувшись к девочке из Зеленых, которая не сдержала удивленного возгласа. – Именно это я и хочу слышать. Восторг. Скоро мы сменим обстановку!

– Ты не можешь принимать такие решения, не дав высказаться остальным, – снова вклинилась Сэн. – Не ты решаешь.

– А знаешь что? – спросил Коул. – Думаю, именно это я как раз и сделал. У кого-то проблемы?

В комнате повисла тишина. Дети качали головами, однако на лицах агентов застыло мрачное напряжение. Хотя открыто возразить никто не решился.

– А что будет с теми, кого согнали в лагеря временного содержания? – спросила сенатор Круз, протискиваясь к карте. – Мы просто бросим их на произвол судьбы? Я бы предпочла остаться здесь и...

– Быть пойманной и самой оказаться под судом? – парировал Коул. – Вы сказали, что вели важные переговоры с мировыми лидерами. Так почему же вы не хотите их продолжить, если в итоге это может помочь *всем*? Или вы нам просто соврали?

– Я не лгала, – бросила Анабель в ответ, и ее темные глаза сверкнули. – Но там оказались мои друзья и коллеги. Мы рисковали своей жизнью, пытаясь восстановить справедливость в этой стране.

– Люди узнают о том, что здесь случилось, – пообещал

Коул. – Пленным не придется долго ждать. Я позабочусь об этом, а вы мне поможете.

Разговор постепенно переключился на другие темы. Теперь нужно было обсудить конкретный план действий: как лучше всего разделить, на сколько групп и по каким улицам безопаснее двигаться на север.

– У всех все в порядке? – спросил Коул, окидывая взглядом сбившихся в кучки детей и постепенно перемещающуюся в сторону двери. – У всех достаточно еды? – добавил он, посмотрев на меня.

Раздался хор согласных голосов. Конечно, они лгали. Может, не хотели доставлять еще больше проблем – потому что тогда ему бы снова пришлось отправиться наружу? Даже если бы Коул не обладал таким даром убеждения – а он был из тех, кто мог и кошку уговорить поделиться своей меховой шубкой, он бы все равно завоевал их сердца, просто делая вид, будто ему не все равно.

– Я все еще хочу поучаствовать в турнире по «сумасшедшим восьмеркам»² – добавил парень, ткнув пальцем в одного из мальчишек-Зеленых, когда проходил мимо него. – Я добуду себе эту корону, Шон. Берегись!

Шон только фыркнул в ответ.

– Ну продолжай стараться, старина. Посмотрим, выдержишь ли ты.

² *Сумасшедшие восьмерки* – карточная игра для двух-семи игроков, в которой выигрывает тот, кто быстрее всего избавится от своих карт.

Коул дурашливо изобразил, будто ему выстрелили прямо в сердце.

— Кучка выскочек! Я могу поучить вас кое-чему, как нужно выигрывать...

— Или тому, что обычно называют *жюльничеством*, — ото звался Лиам. Он стоял у окна в компании Толстяка и Вайды, тихо разговаривая с Нико и еще одним Зеленым. Мой взгляд заметался по их рукам, спинам и ногам. *Где же он?*

— Вот поэтому он всегда проигрывает, — вздохнул Коул, подмигнув остальным.

Агенты переместились на другую сторону комнаты, чтобы тоже рассмотреть карту и, подумалось мне, скорректировать собственные планы. Сенатор Круз продолжала что-то им говорить, но они не обращали на нее внимания.

Где же рюкзак? Обогнув толпу детей перед собой, я прошлась взглядом по полу и по темным углам и обнаружила его на плече у Фергюсона. Меня мгновенно обдало жаром. И стало ясно: если я хочу, чтобы материалы с исследованиями снова оказались в моих руках, я заберу их силой. Пусть мне придется *убедить* каждого в этой комнате отдать их мне.

Коул наконец-то добрался до выхода и легко качнул головой. Я выждала еще минуту и только потом вышла следом. Если агенты и заметили наши перемещения, им было не до того. Теперь они располагали всей информацией, чтобы разработать новый план, разве нет?

В коридоре было по-прежнему гораздо холоднее, чем в

комнате. И если до небольшого пяточка у двери дотягивалось тусклое мерцание свечей, то сделав пару шагов я могла разглядеть только то, что находилось прямо у меня под носом. В какой-то момент я пожалела, что не прихватила свой трофейный фонарик. Впрочем, такие разговоры лучше вести в тени. Двигаясь по проходу, я поймала себя на мысли, что это здание, из которого вытащили все, что было возможно, до голого бетона, вдоль которого змеились разноцветные трубы, напоминало гробницу. Даже воздух здесь был таким же застоявшимся.

Отсчитав сто шагов, я решила, что уже подхожу к концу коридора, когда из темноты высунулась чья-то рука, хватая меня и затаскивая в темное, тесное помещение – кладовку? Я толком не успела испугаться, когда дверь со щелчком захлопнулась за мной.

– Итак, Конфетка... – начал Коул. – Суматошная ночь, а?

Я нашла единственный способ не сойти с ума, который кое-как, но все же срабатывал эти две недели. Я попыталась придавить тяжелой крышкой все пугающие вспышки эмоций, не давая им вырваться на поверхность. Но теперь я испытала такое потрясение, что уже не сомневалась, что такой взрыв неизбежно произойдет – это был лишь вопрос времени. Я только хотела, чтобы это случилось не сейчас – и чтобы еще и не разрыдаться вдобавок. Я не могла выдавить ни слова.

– Конфетка... Господи... – Коул положил руку мне на

плечо, поддерживая меня, и щелкнул пальцами другой. На кончиках пальцев вспыхнуло пламя, осветив тесное пространство.

– Я возвращалась обратно... – удалось выговорить мне. – И я подслушала Сэн и остальных... Они не собираются... Мы не собираемся идти на Ранчо. Я заглянула в ее мысли и... Они собираются... Они собираются...

– Давай-ка сначала, – остановил меня Коул. – Помедленнее. Расскажи мне все, что ты услышала. И что ты увидела.

И я повторила все, что услышала – слово в слово. Я рассказала, как они собирались посадить в каждую машину двоих детей, как собирались выждать, пока мы не проедем пару часов, а потом связать пассажиров. Обменять живую плоть на грязные деньги. Потом они планировали купить оружие и заложить взрывчатку – агенты собирались напасть на Грея в недавно восстановленном Вашингтоне, предполагая, что он будет достаточно глуп, чтобы оставаться там.

Коул выглядел потрясенным, но держал эмоции под контролем – Лиаму такое никогда не удавалось. Если бы я не заметила, как его пальцы сжались в кулак, я бы не догадалась, что парень в ярости, пока он не заговорил. Я почувствовала, как по лицу стекает капелька пота. Мне так захотелось открыть дверь и впустить холодный воздух.

– Я с этим разберусь, – проговорил Коул после долгого молчания.

– Мы с этим разберемся. Но тебе придется решать, – от-

ветила я. – Прямо сейчас. Ты не можешь больше работать на два фронта, пытаясь усидеть на двух стульях. Решай, с нами ты или с ними.

– Конечно, я с вами, – резко ответил он, оскорбленный тем, что я могла предположить иное. – Ты же знаешь, это касается и меня. Я дал тебе обещание тогда, в Лос-Анджелесе, разве нет? Ты пытаешься выставить меня лжецом?

– Нет, я просто... – Я наконец-то смогла глубоко вдохнуть. – Ты не стал рассказывать остальным, кто ты такой. Даже *Лиаму*. После той ночи ты ни разу не взглянул на те материалы.

– Ну и что? Может, я просто пытаюсь не привлекать внимания к своей личной заинтересованности. Не показывать, что мечтаю избавиться от кое-каких пугающих способностей? – И в качестве демонстрации Коул погасил огонь, а затем снова его зажег. – Если бы я проявил хоть какой-то интерес, другие агенты немедленно захотели бы узнать *почему* или решили бы забрать эти материалы себе просто потому, что они нужны мне. В эту игру я играю не первый год.

– Это *не* игра, – возразила я. – Теперь результаты исследования нам никто не вернет.

– Я знаю и поэтому принял меры предосторожности. Их зовут Блэр и Сара.

Две Зеленые девочки. С фотографической памятью.

– Ты дал им запомнить материалы.

– Я испытал их. Попросил каждую воспроизвести диа-

грамму и таблицу, и они справились блестяще. Думаю, нужно оставить рюкзак у агентов – это поможет, не вызывая подозрений, проверить наш собственный план.

Выпрямившись, я старательно смотрела поверх его головы – чтобы мне не приходилось одновременно слушать протяжную южную речь и созерцать эту улыбку, подвергаясь стюартовскому фирменному обезоруживающему очарованию.

– У меня есть идея, но я подозреваю, что им она не понравится.

– Пора изложить ее мне.

– А теперь поговорим серьезно, Конфетка. Это должно остаться между нами, ясно? Иначе не сработает. Пообещай мне. Это единственный способ избавиться от них, прежде чем они избавятся от нас.

Коул протянул мне руку, но я не сразу ответила на это рукопожатие. Но потом держала ее достаточно долго, чтобы ощутить, как его естественное, внутреннее тепло согревает воздух вокруг нас.

Однажды Клэнси сказал мне, что у людей с пси-способностями должно существовать некое подобие естественной иерархии: те, кто обладает большей силой, должны руководить остальными просто потому, что нет никого еще более могущественного, чтобы им противостоять. И теперь, удерживая ладонь Коула, я ощутила, что это правда – но по другой причине. Благодаря нашим способностям мы увидели

весь спектр справедливости и несправедливости: нас боялись и ненавидели, а мы боялись и ненавидели самих себя. Никто из нас не просил о том, что получил, мы никогда не пытались сохранить наши силы, а использовали их, только если были вынуждены это делать. И вышло так, что те, у кого были более мощные способности, оказались на передовой, пусть даже это произошло лишь потому, что именно у нас было больше шансов защитить остальных.

Я стиснула руку Коула. И на его лице мелькнуло выражение облегчения и благодарности, после чего оно сменилось на привычную маску невозмутимости и полного пофигизма.

– Ну так что, каков наш следующий шаг? – спросила я. – Как ты собираешься чего-то добиться, если в нашем распоряжении нет тренированных бойцов? Что мы будем делать?

– *Мы* собираемся на Ранчо, – напомнил мне Коул. – *Они* собираются в Штаб. В Канзас вместе с остальными агентами. Им нужно избавиться от нас, но не они получают это чертово Ранчо. Оно *наше*.

– И как ты собираешься с этим справиться? – Я пыталась добиться от него конкретного ответа.

– Конфетка, лучше ты мне ответь: сколько времени тебе понадобится, чтобы убедить их, что Ранчо... ну... в полной разрухе... что там нет ничего полезного? И делать там нечего.

Догадавшись, чего он от меня хочет, я замерла.

– Ты хочешь, чтобы я воздействовала на их сознание. Но

там полтора десятка агентов...

– А у тебя целых три часа до отправления, – ответил Коул и снова потушил пламя. – Так что я бы посоветовал тебе пошевеливаться.

Глава третья

На складе царила суматоха – дела нашлись для всех. Кого-то послали сменить часовых, кто-то паковал запасное снаряжение, которое нам удалось раздобыть, другие, как, например, Лиам и Толстяк, распределяли между группами остатки еды. Не привлекая к себе внимания, я, словно невзначай, оказывалась рядом то с одним агентом, то с другим, незаметно и легко проникая в их головы. Мы с Коулом обсудили, в каком порядке мне следует действовать, чтобы изменение планов показалось наиболее естественным. И получилось, что первой в этом списке оказалась агент Сэн.

Я встала рядом с ней, спиной к спине – женщина изучала карту и вносила какие-то поправки в списки, отмечая, кто с кем поедет. Один раз я уже взламывала ее ум, и поэтому сделать это второй раз было легче, чем вставить ключ в хорошо смазанный замок.

Но с каждым следующим агентом мой темп замедлялся: мне приходилось пробиваться через сцены насилия, тренировок, желаний. Я провела рядом с этими людьми шесть месяцев, но мне понадобилось меньше двух часов, чтобы понять, как росла их ненависть: к Грею, к нам, ко всему, что стояло у них на пути. Их боль потери была так сильна, что превратилась в черную дыру, поглощая их одного за другим.

Покончив с делом, я чувствовала себя как человек, пе-

реживший землетрясение. Но для того, чтобы добраться до конца коридора – туда, где сидел Клэнси Грей, силы еще оставались.

Я пнула его ногой в бок, может, немного сильнее, чем следовало бы.

– Просыпайся.

Клэнси застонал, сонно моргая и щурясь от света моего фонарика, направленного прямо ему в лицо.

– Не имею ни малейшего желания. Если только ты не хочешь развязать мне руки, выдать зеркало с чистой одеждой или продемонстрировать безвременную смерть одного из братьев Стюартов во всех отвратительных подробностях.

Я занесла пятку над его ладонью, вынудив парня перекачаться на спину. Грей зыркнул на меня сквозь темную челку, которая сосульками свисала ему на глаза. Склизкая, омерзительно черная грязь из канализации, по которой он сбежал из Штаба, выцвела, высохла и превратилась в ломкую корку, которая начала осыпаться кусочками, когда он поднял бровь.

– Еды нет? – фыркнул Клэнси. – Пытка лишением пищи и общества – это... примитивный ход.

– Это не пытка, – уточнила я, закатив глаза.

По крайней мере, не в традиционном смысле. Думаю, что Клэнси вовсе не страдал от того, что его держали отдельно от остальных словно в одиночном заключении. Скорее всего, его больше раздражало, что он отрезан от любой информации, довольствуясь разве что обрывками разговоров за сте-

ной. Это был идеальный ад для Клэнси Грея. А еще вонючая одежда, которая кое-где прилипла к его коже.

Помахав перед ним спортивными штанами и футболкой, я бросила их ему в лицо.

– Сейчас я освобожу тебе руки и ноги, дам тряпку и ведро воды, и ты приведешь себя в порядок. Я буду ждать в коридоре и объясню, что ты должен будешь сделать.

Маленьким ножом, который дал мне Коул, я разрезала пластиковые стяжки у него на щиколотках, не обращая внимания на вмятины, оставшиеся на его коже.

– Что происходит? – спросил он, садясь. – Что все это значит?

– Мы уходим.

– Куда? – спросил Клэнси, потирая запястья, которые я тоже освободила. – Я слышал, что в нескольких кварталах отсюда есть старый склад-морозильник. Это был бы некоторый прогресс.

Он начал раздеваться, и я, отвернувшись, швырнула тряпку через плечо куда-то в его сторону. Сосредоточенно глядя в пол, я слушала, как он пытается отмыться.

– Конечно, попросить теплой воды было бы слишком нагло, – проворчал Клэнси. – Даже одеяла не дали...

Вдруг парень замер. Я услышала, как тряпка шлепнулась на плиточный пол и оглянулась, стараясь посмотреть поверх его голых плеч. Клэнси уставился на меня, в его глазах мелькнула догадка.

– Что на самом деле происходит?

– Мы уходим, – повторила я, сражаясь с очередным приступом отвращения.

Парень не получал никакой информации, не получал вообще ничего, кроме той малости, которой тоже не заслуживал. И ограничившись коротким ответом, я сразу почувствовала покалывание где-то в районе затылка, когда он попытался вломиться в мое сознание, будто постучавшись, прежде чем войти. Я отбросила его, представив, как дверь захлопывается у него под носом. От силы этого удара Клэнси вздрогнул.

– Вы собираетесь использовать меня, чтобы торговаться... Вы хотите меня обменять, – сдавленно проговорил он. – Вот почему ты позволила мне привести себя в порядок.

Он почти угадал, только так планировали поступить с нами агенты. И если бы дело обстояло иначе, я бы обязательно намекнула на эту возможность Клэнси – чтобы он помучился. Но все же на такое у меня не хватило духу.

– Ты бы этого хотел, да? Подчинить несколько солдат СПП своей воле, срежиссировать побег...

– Ух ты, а ты по-прежнему *способна* говорить целыми предложениями, а не междометиями, – поддел меня Клэнси, натягивая чистую футболку, а потом штаны. Лицо его было таким же бледным, как и наши, а под глазами залегли черные круги. От постоянного недоедания он осунулся и похудел. – Почему ты все еще на меня злишься? Неужели из-за

того глупого мальчишки.

Мой кулак врезался ему в челюсть, и я не помню, что было дальше. Когда я пришла в себя, чьи-то руки сжимали мои запястья, и я по-прежнему металась, пытаюсь вырваться на свободу.

– Эй, эй! Остынь! – Коул выпустил меня и отпихнул в сторону. – Ты выше этого! Соберись!

Я прижала кулак к груди, пытаюсь вдохнуть. Клэнси по-прежнему закрывал голову руками, когда Коул заставил его подняться, завел запястья ему за спину и снова связал их пластиковой стяжкой. Вместо капюшона он натянул ему на голову старую наволочку и завязал ее, чтобы она точно не свалилась.

А потом Коул молча выставил меня за дверь – его лицо потемнело от гнева.

– Мне нужно, чтобы ты сосредоточилась. Нам придется ехать несколько часов, и все это время он будет с нами в машине. Если он попытается что-то сделать, именно тебе придется его утихомиривать.

Я пристально смотрела на Клэнси и видела, как он наклонил голову в нашу сторону. А кто сказал, что он не пытается «что-то сделать» прямо сейчас, что-то сделать с Коулом? Ему удавалось контролировать намного больше людей и в худших обстоятельствах, так что сейчас это не потребует от него больших усилий. Мне казалось, что изолировать его от остальных физически будет достаточно. Но что, если это не

так?

– Ну так что, у нас намечается поездка? – обратился Клэнси к нам обоим.

Я изучала лицо Коула – искала на нем признаки того, что он попал под влияние Клэнси, пытаясь подавить страх, который заполнил мою грудь. Но взгляд Стюарта был осмысленным, а не затуманенным и пустым. Более того, он ухмылялся.

– Нет ли какого-нибудь способа его вырубить? – пробормотала я. Так было бы безопаснее. Для всех нас.

– Только если врезать ему как следует. И я бы не хотел рисковать и случайно одарить его черепно-мозговой травмой. – И уже громче Коул добавил: – Он поедет в багажнике. Связанный, с заткнутым ртом, беспомощный. Как раз таким он мне и нравится.

Голова Клэнси мгновенно дернулась в нашу сторону. И если бы я не знала его настолько хорошо, я могла бы поклясться, что в его голосе послышалось отчаяние:

– В этом нет никакой необходимости...

– Ты не поедешь на заднем сиденье, – внес полную ясность Коул. – Это слишком рискованно. Что, если кто-то тебя заметит или ты попытаешься сбежать?

Клэнси презрительно усмехнулся.

– И потеряю шанс уничтожить эти бумаги по «Снегопаду»? Это вряд ли.

Коул бросил на меня быстрый взгляд и улыбнувшись, при-

кусил кончик языка. Показав материалы Зеленым, мы получили неожиданное преимущество: Клэнси понятия не имел, что мы предприняли меры предосторожности и создали своего рода резервную копию исследования.

– Ах, теперь понятно, в чем дело, не правда ли, Конфетка?

Захлопнув за нами дверь, я оттащила Коула от нее подальше.

– Может, брать его с собой – *действительно* плохая идея? Если Клэнси вырвется на свободу на Ранчо, он может все разрушить.

Я крепко охватила себя руками, пытаясь побороть внезапный приступ воспоминаний: о том, как я была глупа, когда считала, будто контролирую Клэнси.

Некоторые люди приходят в мир и живут, не интересуясь тем, что вокруг – они сосредоточены на том, чего хотят *они сами*, что нужно *им*. Ничто другое не имеет для них значения. Они неспособны испытывать сочувствие, сожаление или вину. Некоторые люди являются в мир в обличье монстров. Теперь я это понимала.

– Эй, – тихо сказал Коул. – Думаешь, я сам не хочу его придушить?

– У него тысяча лиц, – предупредила я. – Если он не увидит своей выгоды, сразу выйдет из игры. А почувствует *угрозу*...

– Он тебе даже в подметки не годится, Конфетка.

– Хотела бы я, чтобы это было так, – покачала головой я.

– Давай подумаем: что он сможет предложить, если мы доставим его туда, где он захочет с нами сотрудничать, – предложил Коул. – Ценные данные, понимание, что на уме у его отца, даже его потенциальная ценность для обмена.

– Он слишком непредсказуем.

Даже если мы выдадим Клэнси его отцу, все равно остался шанс, и немалый, на то, что парень сможет сбежать и вызвать *еще больше* разрушений. Может, действительно для всех безопаснее, если он отправится с нами – если только мы сможем за ним уследить?

– Ты опять забываешь, что, в конце концов, мы хотим того же, что и он, – произнес Коул, определенно борясь с искушением закатить глаза. – Все мы хотим, чтобы его отец убрался из президентов.

– Нет, – сказала я, снова оглянувшись на дверь. – Он хочет уничтожить своего отца. Это другое. Единственный вопрос: хочешь ли ты рискнуть и оказаться в числе сопутствующих потерь, когда Клэнси придумает, как это сделать.

Я слишком поздно сообразила, что раз мы снова связали Клэнси руки, кормить его придется мне самой. Парень смотрел на меня яростным взглядом, дергался и плевался, напоминая кота, которому обрезают когти. Все это время мне было ужасно не по себе. В конце концов, для любого человека это довольно неприятный опыт.

Лиам приветствовал мое возвращение в общую комна-

ту сочувственным взглядом и, предложив пакет картофельных чипсов, похлопал по полу рядом с собой. Одни выглядели толком не проснувшимися из-за очень раннего подъема, другие нервно наматывали круги по комнате. Снаружи поднялся ветер, который с воплями бился об углы здания и пробирался через трещины в крыше. Для этого утра такой пугающий аккомпанемент подходил как нельзя лучше.

– Ладно, я буду краток, – начал Коул. – Мы разделимся на группы и распределимся между тремя выходами. Если место, в которое вас направят, покажется вам подозрительным: там будут солдаты или какие-то подозрительные типы, болтающиеся рядом, – что угодно, уходите к другому, ближайшему.

Рядом с ним стояла Сэн, которая едва заметно самодовольно ухмылялась, осматривая детей, которые расселись на полу. Я сама с трудом сдержала улыбку, испытав легкое возбуждение из-за того, что это я все контролирую. *«Скатертью дорога»*, – подумала я.

– Как только услышите, куда вас распределили, – продолжил Коул, – посмотрите на карте, какой у вас маршрут и где можно будет найти машину. Группа А – это я, Руби, Лиам, Вайда, Нико, наш гость и этот, как его там – вон тот в игровой рубашечке.

Лиам возмущенно вскинулся на брата.

Толстяк только пожал плечами.

– Лучше, чем называть меня «бабулей». Или, к вашему

сведению, «толстяком».

– Только без Нико, – вмешалась я. Что, если он снова попадет под влияние Клэнси? А если он снова облажается, я на него снова наброшусь.

Я увидела, как Нико исчез из моего поля зрения, смешавшись с остальными. Лиам крепче сжал мою руку, но я избегала на него смотреть, потому что знала, что увижу в его глазах – разочарование. Он не понимал.

– Отлично, – кивнул Коул. – Нико, ты пойдешь с группой D.

– Гость – это я? – Пока сенатор Круз не заговорила, я и не заметила, что она тоже находится в комнате.

– Вы в группе C. С группой A пойдет наш менее желанный гость.

Должно быть, Коул сообщил Анабель о присутствии Клэнси на складе, потому что ее единственной реакцией было: «О... Я понимаю».

Он еще раз прошелся по деталям каждого маршрута, которым группы направляются на север. Все участники должны были передвигаться по населенным пунктам, что увеличивало расход времени и бензина, но обеспечивало большую безопасность. Когда Коул закончил, на мгновение в комнате повисла тишина, как будто всем нужно было время, чтобы осмыслить его слова.

Коул кивнул мне.

– Пойди заberi его. Как только вы присоединитесь к сво-

ей команде, – продолжал он, пока я шла к двери, – действуйте и, главное, убирайтесь отсюда к черту. Удачи вам и позаботьтесь друг о друге. Увидимся на севере.

Когда я вошла в комнату, Клэнси безуспешно пытался подняться на ноги – руки связаны, наволочка на голове.

– Мы *прямо сейчас* уходим? Который час?

Я ненадолго стянула с него наволочку.

– Хоть один признак того, что ты на кого-то воздействуешь...

– И я труп. Боже, ты такая же занудная, как моя старая няня. Я *понял*, – отрезал Клэнси. Обернувшись, он пихнул меня своими связанными руками. – Это будет выглядеть так же подозрительно, как капюшон. Если что-то случится, мои руки мне понадобятся...

– Ничего не случится, – сказала я, схватила его под локоть и вытолкнула в коридор, но тут же втащила обратно, чтобы нас не затоптали другие группы, устремившиеся к разным выходам из здания.

– Готова?! – крикнул мне Коул в окно, когда я приволокла Клэнси в общую комнату. Анабель Круз по-прежнему стояла там, между двумя агентами, которые за нее отвечали. Увидев Клэнси, она застыла. Он ухмыльнулся, окидывая ее взглядом с головы до ног.

– *Хватит*, – предупредила его я. – Оставь ее в покое, или я вышвырну тебя в окно.

– Окажи *мне* эту честь, – буркнул Лиам, буквально про-

демонстрировав свое намерение.

Потом он оглянулся на Сэн и бросил на меня вопросительный взгляд, заметив, как та поправляет лямки рюкзака, в котором хранились материалы исследований лекарства.

Я успокаивающе дотронулась до его руки, после чего повернулась и вцепилась в плечо Клэнси, который уже занес ногу над оконной рамой. Но его ботинок за что-то зацепился, и парень упал, покотившись кубарем, и рухнул у пожарного выхода рассерженным мешком.

– Похоже, мне не дадут сохранить достоинство, – прорычал он, выпрямляясь и неловко пытаюсь поправить рубашку связанными руками.

Я перегнулась через лестницу, чтобы посмотреть, где Коул. Он уже был внизу с оружием в руках, напряженно и сосредоточенно осматривая ближайшие окна – это же выражение я так часто видела на лице Лиама. Ветер трепал волосы Коула, надувал куртку, подталкивая меня вперед.

– Из двоих Стюартов, думаю, он – лучший выбор. Симпатичный. Плохой парень. Кажется, как раз в твоем вкусе, – заключил Клэнси, проследив за моим взглядом.

Определенно, он *вообще* ничего не понимал в моем вкусе.

Я заставила себя не оборачиваться, чтобы проверить, где Вайда, Толстяк и Лиам, пока мы все не спустились на улицу и не замерли, прижавшись спинами к стенам склада.

– Заметил что-то? – спросила я Коула.

Он покачал головой.

– Все чисто.

Мы прошли один квартал на восток, потом свернули к реке Лос-Анджелес и железной дороге, которая шла вдоль набережной. Наш выход находился примерно в тринадцати кварталах к северу, но это были темные, тихие и плотно застроенные кварталы. Я оглянулась, ощутив, как по моей спине пробежал холодок тревоги. Но в этой тьме было невозможно что-либо увидеть даже рядом, а уж тем более разглядеть группу детей, которая шла следом за нами. Коул предупредил, чтобы они выждали десять минут и только потом полезли за нами в тот же выход – просто на случай, если что-то пойдет не так. Тогда они успеют убежать.

Повезло им.

Я по-прежнему смотрела вперед и крепко держала Клэнси за руку. Его кожа казалась невыносимо горячей. Утро сжимало город в холодных объятиях, и не было солнца, которое заставило бы их разжаться. Но Клэнси, похоже, совершенно не страдал от холода. Казалось, его сейчас вообще ничто не волновало.

Коул резко вскинул руку вверх, и мы замерли, затаив дыхание. Клэнси с любопытством наклонился через мое плечо, чтобы увидеть, в чем проблема.

– Ах, – сказал он, снова отодвигаясь. – Удачи с этим.

Наш маршрут проходил под эстакадой шоссе 101, которое тянулось дальше через реку и близлежащие железнодорожные пути. Из увиденного в воспоминаниях рядовой Мора-

лес я знала, что дальше пути заблокированы перевернутыми грузовыми вагонами, а рядом с ними расставлены прожектора. На шоссе должны были стоять два военных джипа – и еще больше прожекторов. Все действительно так и было. Мы осторожно и бесшумно приближались к автомобилям, не заметив ничего подозрительного, пока первые три силуэта не показались на краю насыпи, по которой проходило шоссе. Они держали руки у глаз, будто смотрели в бинокль.

Коул бросился животом на пути. Я заставила Клэнси опуститься на землю вместе со мной.

– Что такое... – завокнулся Толстяк, но Вайда вовремя зажала ему рот.

Черт, черт, черт, черт. Страх волной пробежал по моему телу. Как я могла так ошибиться?

Нас по-прежнему окружала непроглядная тьма, но мы уже вошли в нечеткий круг света, который отбрасывали прожектора. Коул негромко выругался, обернулся и жестом велел нам двигаться назад. Вайда вытащила пистолет и поползла обратно. Толстяка она тащила за собой, вцепившись другой рукой в его рубашку.

Ветер охлаждал кожу, забираясь сзади под куртку. Слева от нас виднелись листы какого-то металла вроде жести, дребезжащие так, будто вот-вот взорвутся. *«Медленно, – приказала я себе. – Не паникуй. Двигайся медленно».* Резкие движения или громкие звуки только привлекут внимание солдат...

Что-то хрустнуло, будто сломанная кость – от сильного

порыва ветра целая секция металлической обшивки отвалилась и летела прямо на нас. Я присела, прикрыв голову свободной рукой и высчитывая в уме, хватит ли нам времени, чтобы убежать, когда лист врежется в рельсы и с грохотом пронесется по их поверхности.

Но вот прозвучал один оглушительный удар сердца... другой... третий... тишину нарушали только гул ветра и мое собственное тяжелое дыхание. Я подняла голову, поймала потрясенный взгляд Коула, тут же сменившийся облегчением, и резко повернулась, чтобы увидеть, что произошло.

Лиам протянул руку в направлении огромного металлического листа. Он застыл там, где врезался в землю в первый, самый опасный, раз, и все еще был наклонен в нашу сторону. Ржавый кусок металла стоял, подрагивая, как напряженная мышца, но все-таки неподвижно. Сосредоточенное лицо Лиама было каменным. Я видела, как с помощью своих способностей он поднимал вещи и потяжелее, но сейчас против него были сила ветра и внезапность.

Толстяк дернулся в его сторону, но Лиам тихо проговорил:

– Я поймал.

Коул резко махнул рукой, чтобы привлечь мое внимание, и показал в сторону шоссе. Силуэты солдат снова пришли в движение. Проекторы, светившие в нашу сторону, погасли, и тут же к двум военным джипам, стоявшим на той стороне, подъехал еще один. В следующую секунду я догадалась, что

происходит на самом деле.

Они здесь, чтобы сменить машины и лампы в прожекторах. Это не патруль, не дозорные.

Заурчал двигатель одного из военных джипов, и автомобиль, сделав широкую дугу, развернулся на пустом шоссе и устремился на запад. Я следила за тем, как удаляются его задние огни, а потом снова, прищурившись, всмотрелась в ту сторону, где стояли прожекторы. Ни малейшего движения. Ушли.

Коул пришел к тому же выводу. Он медленно встал на четвереньки, потом выпрямился во весь рост и кивком разрешил подняться и нам. Лиам напряженно закричал, с помощью своих способностей он поднял металлическую панель и отправил ее через наши головы в сторону сухого цементного дна, по которому раньше протекала река. Он позволил брату помочь ему подняться, но потом отпихнул его руку.

– Для того, кто был никудышным спортсменом, у тебя неожиданно хорошая реакция, – поддел его Коул.

– Видимо, на твоём неизвестном мне языке это означает «спасибо», – произнес Лиам, стиснув зубы. – Мы можем двигаться?

Коул еще секунду смотрел на него с непроницаемым выражением лица.

– Все в порядке. Пошли.

Когда мы наконец-то дошли до Глендейла, солнце уже

поднялось высоко, и тени больше не скрывали нас. Хотя мы уже вышли за пределы периметра, контролируемого военными, район все же оказался к нему достаточно близко и не избежал общей эвакуации. Правда, было неясно, организовали ли ее власти либо спровоцировала общая паника. Так или иначе, но вокруг нас не было ни души. Коул отправился на разведку по близлежащим улицам – просто на всякий случай, но тут я ощутила то самое чувство, неестественное покалывание по всей коже, которое не давала мне расслабиться. Я еще раз осмотрелась, окидывая внимательным взглядом каждый закоулок, крыши зданий вокруг, даже разрушенные высотки Лос-Анджелеса на горизонте, чтобы понять, откуда исходит это ощущение. Сначала это было лишь клубящееся облако беспокойства, но постепенно оно усиливалось, становилось острее и четче. Я боялась, что обнаружу причину только в тот момент, когда она уже обрушится на наши головы, как дождь из острых лезвий.

Ливень, который прошел несколько дней назад, смыл пыль и сажу, которая теперь скопилась в застоявшихся лужах. Я покачала головой. Все это казалось... странным. На зданиях не было видно никаких внешних повреждений, и они были светло-серыми, а не угрожающе-черными, как в центре города. Я встала на бетонный блок, обозначавший парковочное место, и, прищурившись, поглядела на здание – запертый бакалейный магазин.

– Вон там, – сказал Коул, показывая в сторону небольшого

торгового центра. – За ним большая парковка. Там, где горят фонари.

– Слава богу, – выдохнул Толстяк, когда мы направились в сторону освещенной парковки. Он с таким видом смотрел на фонари, будто никогда не видел их раньше.

Лиам уже подошел к ближайшему темно-синему седану и вытащил из черного рюкзака, который висел у него на плече, проволочную вешалку. Он вскрыл замок так быстро, что Коул понял это, когда Лиам уже сидел, скрючившись, на водительском сиденье и вытаскивал провода из-под приборной панели, чтобы пробудить к жизни двигатель, замкнув их напрямую.

– Как?! – воскликнул Толстяк. – Минивэна не будет?

– Стой-стой-стой... – пробормотал Коул, когда двигатель наконец с шумом заработал. Он выпихнул Лиаму из машины и заглушил мотор. – И кто же тебя этому научил?

– А ты как думаешь? – резко ответил Лиам, вырвав свою руку из хватки брата.

– Гарри? – Коул недоверчиво усмехнулся. – Научил впечатлительного юношу воровать машины? Разве за это не лишают нимба?

Лиам ответил ему взглядом, которым можно было бы обдирать краску с седана.

– Ты закончил?

– Нет, я просто... – Кажется, Коул задел брата за живое, даже не догадываясь об этом. – Гарри. Гарри Стюарт, Вожак

Бойскаутов, научил тебя. Почему?

– Потому что он верил, что я не стану использовать это во зло, – с горькой улыбкой откликнулся Лиам. – А что, ты не усвоил урок?

Взгляд, которым ему ответил Коул, мог заморозить огонь. Пальцы его правой руки слегка сжались, прежде чем парень спрятал ее в задний карман штанов.

– Да. У Стюартов даже семейные драмы такие скучные, – буркнул Клэнси. – Я думал, мы торопимся.

– Верно. – Я повернулась к Лиаму. – В этой машине есть бензин?

Он кивнул.

– Думаю, хватит, чтобы проехать сотню миль.

– Супер, – кивнул Коул. – Но эту мы брать не будем. Вон там стоит бежевый внедорожник, который смотрит прямо на тебя.

Лиам повернулся и взглянув на машину, покачал головой.

– Он жрет много бензина. Они неустойчивые и чаще попадают в аварии...

Коул заставил его замолчать, похлопав брата по руке с таким снисходительным видом, чем разозлил и меня тоже.

– А ты планируешь попадать в аварии? Тогда ради бога заткнись и делай то, что я тебе говорю...

– Это не тебе решать.

– Да именно что мне! Это я здесь за все отвечаю, нравится тебе это или нет. Именно я знаю, как действовать в полевых

условиях. Именно я собираюсь вытащить нас отсюда. И потому я приказываю тебе взять внедорожник на случай, если нам придется съехать с дороги.

Лиам двинулся на него.

– Если нам придется съехать с дороги, проблемы будут у нас в любом случае. Я лучше возьму машину, которая не будет пожирать бензин.

Он посмотрел в мою сторону, наклонив голову в молчаливой просьбе о поддержке. Я прикусила губу и покачала головой. Не в этой битве. Оно того не стоит. А Коул уже выбрал еще один красный пикап, и ничто не могло заставить его изменить решение.

Несколько месяцев назад, когда мы вчетвером пробирались в минивэне по окольным дорогам, сливая бензин из других машин, как стервятники, отрывающие от костей последние высохшие куски мяса, мы следовали двум простым правилам: двигайся быстро, оставайся незамеченным. Хорошо это или плохо, но большинство наших решений были реакцией на уровне инстинктов. Пусть не все наши решения оказались верными, но это был единственный известный нам способ жить и выживать. Всем нам, отверженным уродцам, приходилось довольствоваться этим, чтобы не попасть в лагерь или оторваться от слежки. И, глядя сейчас на раздраженного Коула, я как никогда четко поняла, что он почти ничего не знал о том, как жил его брат, когда отказался участвовать в тренировочной программе Лиги. Да, он был одним

из нас, но его никогда не заставляли приспособливаться к нашей реальности, хотя он знал и видел, как жестоко обращались с детьми в программе пси-исследований «Леды».

Утром братья уже один раз поспорили, кто будет водителем, поэтому сейчас тратить время на это не пришлось. В бежевом внедорожнике должны были ехать трое, а нам предстояло занять места в красном траке, и я потащила к нему Клэнси.

Мне казалось странным, что машин было выбрано две, но я тут же согласилась с аргументами Коула, пусть даже Лиама они не убедили. По той же причине целых две недели лишь я одна присматривала за Клэнси, кормила его, а еще имела дело с его уязвленным эго. Если я буду за рулем, у другого Оранжевого будет меньше шансов захватить управление машиной, потому что я смогу заблокировать его влияние. Если за рулем будет кто-то еще, рано или поздно Клэнси проберется в мысли этого человека. Я видела это так четко, будто он и ту картинку внедрил в мой ум.

Я бы предпочла, чтобы Коул ехал в другой машине, но это не обсуждалось. Тот факт, что Клэнси мог захватить и его сознание тоже и приказать ему угрожать мне пистолетом или ножом, похоже, не приходил тому в голову.

Бензобак был наполовину полон, провода соединены и двигатель уже заурчал. Коул перерезал стяжки на руках Клэнси, чтобы сын президента мог пристегнуться и сидеть, положив руки на колени, и тут же затянул новые. Его ноги Коул

привязал к планке, проходившей под сиденьем, а на голову снова надел наволочку.

Оставалось только сделать глубокий вдох и выехать с парковки. Посмотрев в зеркало дальнего вида, я в последний раз взглянула на то, что осталось от города, и покрепче сжала руки на руле.

Наконец-то мы покидали это страшное место и все, что было здесь погребено.

* * *

Через двадцать минут езды выяснилось следующее: в грузовике не работал кондиционер, запах владельца автомобиля впитался в сиденья из кожаменителя, и мое окно было сломано.

Справа от меня Клэнси наклонился вперед и либо спал, либо пытался незаметно тереться наволочкой о колени, чтобы сбросить ее. Коул, который сидел с краю, рассматривал дома, мимо которых мы проезжали. Свет полуденного солнца резко обозначил темные круги у него под глазами. Казалось, теперь, когда он сидел на месте, а не носился вокруг, выкрикивая приказы, его тело наконец-то сдалось боли и переутомлению. Парень передернул плечами, поправляя ремень безопасности, и поморщился.

Коул показал мне на карте то место, куда мы направлялись – город под названием Лодай, к югу от Сакраменто. Если бы

мы могли ехать по шоссе напрямую, добраться до побережья можно было бы часов за пять. Или еще быстрее, если сесть на поезд или на самолет, а Грей не приказал бы кораблям патрулировать тихоокеанское побережье.

Я оглянулась через плечо на внедорожник, который ехал за нами. Должно быть, Лиам ждал именно этого, потому что он тут же ободряюще помахал мне рукой. Рядом с ним на пассажирском сиденье сидел Толстяк, который непрерывно говорил и даже размахивал руками, чтобы подчеркнуть каждое слово. Эта картина казалась достаточно знакомой и успокаивающей, чтобы ощущение неуютной чуждости города, через который мы ехали, почти полностью рассеялось.

Бербанк, штат Калифорния был настоящим городом во всех его смыслах, до краев наполненным жизнью и суетой. В последние годы его значение только росло, многие средства массовой информации уже имели там студии или главный офис, и немало тех, кто базировался в соседних городах, тоже переместился сюда, либо объединившись с другими компаниями, либо заключив договор о совместном использовании оборудования. Сейчас, глядя на тихие и пустые улицы, я задумалась: может, Грей уже проник и сюда, чтобы покончить с этим местом?

Черт побери, где все? Казалось, будто я еду через какой-то город в восточной части США, сильнее всего пострадавшей от упадка экономики. Я почти ожидала увидеть, как ветер, словно в кино, подхватывает старые газеты, и они летят по

улицам, будто перекасти-поле. Я почувствовала, как снова ускоряется мой пульс: та же грозовая тень, которая, мне казалось, преследовала нас в Лос-Анджелесе, снова закружилась в моем сознании.

– Мне это не нравится, – пробормотал Коул, будто прочитав мои мысли. – Поверни на следующем переулке направо...

Если бы я в ту же секунду не посмотрела в зеркало заднего вида, чтобы подать знак Лиаму, я бы вообще не заметила, что произошло. Только что внедорожник ехал прямо за мной и вдруг исчез из вида: военный джип с грохотом врезался в «Форд эксплорер», и от грохота показалось, будто кто-то врезал битой мне по затылку. Я дернула руль в сторону, и чужая машина пронеслась мимо, а вокруг сыпались осколки стекол и разлетались ошметки разорванных шин. Поэтому я резко прижалась еще правее прямо к тротуару.

Когда я ударила по тормозам, наш пикап занесло. И Клэнси чуть не задохнулся – ремень безопасности врезался ему в грудь. Он попытался освободиться, упираясь связанными руками в приборную панель.

– Что?! – воскликнул он. – Что, черт возьми, случилось? Но беспокоиться нужно было не за него, а за Коула.

Я все еще пыталась отстегнуться, когда выражение его лица, застывшее от потрясения, изменилось. Звук, который вырвался из его горла, был слишком отрывистым, слишком сдавленным, чтобы называться криком. Он вообще не был

похож на человеческую речь.

Коул распахнул дверь, но не бросился бежать к военному джипу или тем двум солдатам, что с оружием наготове приближались к бежевому внедорожнику. Коул сделал шаг вперед и молча выбросил в их сторону сжатую в кулак руку. Военный джип вспыхнул, как огненный шар.

Взрывная волна была такой силы, что я не устояла на ногах и ударилась спиной о машину. Она выбила окна в близлежащих домах и заднее стекло нашего пикапа и обрушилась на патрульных сзади, сбивая с ног. Пугающе спокойно Коул направился к ним, вынул пистолет из кобуры на поясе и тщательно, как обычно, прицелился. Первый выстрел пришелся в лицо молодого солдата, лежавшего ближе к внедорожнику. Другого парень приподнял, сорвал с него шлем, и вот кулак Коула врезался в его лицо – а потом еще раз, снова и снова.

Я не могла на это смотреть – не хотела – сердце колотилось о ребра, когда я подбежала к внедорожнику. Осколки тонированных стекол хрустели под ногами. С водительской стороны двери были смяты ударом, но в салоне кто-то пошевелился – сквозь разбитое ветровое стекло широко раскрытые глаза Лиамы встретились с моими.

– Ты цел? – прошептала я, вздрогнув от звука второго выстрела, разорвавшего тишину.

Лиам продолжал сидеть выпрямившись, смертельной хваткой вцепившись в руль. Его лицо было бледным. Только левая сторона наливалась красным, а распухающая переносица

сица, уже приобрела фиолетовый цвет. Сдувшиеся подушки безопасности болтались на уровне его живота.

– О боже, – выдохнула я. – Ребята...

Толстяк уже перебрался к Вайде на заднее сиденье и щурился, рассматривая глубокий порез у нее на лбу. Его темная кожа выглядела пепельно-серой.

Горящий джип поглощал свежий воздух вокруг нас, посылая мне в спину одну волну жара за другой. Рев огня, пожирающего металл и стекло, заставил меня выкрикивать слова, хотя я уже начала задыхаться из-за дыма.

– Порядок?! – крикнула я им. Вайда, тяжело дыша, показала мне большой палец, словно не рискуя заговорить. – Лиам?!

Трясущимися руками я пыталась открыть переднюю дверь – искореженный металл сопротивлялся. Во мне плескалось столько адреналина, что я готова была сорвать эту дверцу с петель.

– Лиам? Лиам, ты слышишь меня?

Очнувшись, он медленно повернулся ко мне.

– Я же говорил ему, что она неустойчива.

Я чуть не расплакалась от облегчения и, наклонившись, засунула голову в окно и поцеловала его.

– Верно.

– Я *говорил* ему.

– Да, говорил, помню, что говорил, – проговорила я тихим, успокаивающим голосом, протягивая руку, чтобы от-

стегнуть его ремень безопасности. – Что-то болит? Переломов нет?

– Плечо. Болит. – Он прикрыл глаза, преодолевая эту боль. – Толстяк? Остальные?

– Мы в порядке, – отозвался Толстяк, и его голос прозвучал неожиданно бодро, хотя немного гнусаво. Когда парень повернулся к нам, я увидела, что из носа у него течет кровь. – Думаю, у него вывихнуто плечо. Руби, ты нигде не видишь моих очков? Когда подушки безопасности надулись, они с меня слетели.

– Что случилось? – спросила Вайда, показав на огонь. – Как это...

– Пуля в бензобак – удачный выстрел, – раздался голос Коула у меня за спиной.

И вряд ли кто-то сейчас задумался бы о том, насколько неправдоподобно это прозвучало – ребята были слишком ошарашены или слишком перепуганы.

Коул отпихнул меня плечом и сам занялся водительской дверью. А я обежала машину и с усилием распахнула пассажирскую и опустилась на колени. Я шарила руками по ковру, пока мне не попались очки Толстяка. Или то, что от них осталось.

– Ты нашла их? – спросил он. – Что с ними?

Я подняла искореженную оправу и выпавшие из нее потрескавшиеся, но целые линзы и показала их Вайде. Она проявила редкое для нее сочувствие – похлопала Толстяка

по плечу:

– Ага, Бабуся, она нашла их.

Раздался скрежет металла по металлу, и дверь с водительской стороны наконец открылась. Лиам повернулся на бок, пытаясь вытащить левую ногу, зажатую покорёженной приборной панелью. При этом он постоянно прижимал левую руку к туловищу, стараясь не потревожить ее.

– Черт побери, дурачок, – едва сдерживая эмоции, сказал Коул, который попытался отогнуть панель, чтобы помочь брату. – Черт тебя побери, неужели так сложно не дать себя убить в мою смену?

– Стараюсь, – выдавил Лиам сквозь стиснутые зубы. – Боже, это больно.

– Дай мне руку, – попросил Коул. – Будет фигово, но...

– Сам справишься? – спросил Толстяк. – Убедись, что ты правильно стоишь...

Не знаю, что было хуже – звук, с которым плечо Лиамы встало на место, или вопль, полный боли, который за этим последовал.

– Нам нужно *двигаться*, – сказала Вайда, открыв пинком заднюю дверь внедорожника. – С этим куском дерьма покончено – нам нужно забраться в кузов пикапа. А если дальше будем стоять здесь и орать друг на друга, нас всех точно перестреляют.

– Очки, – попросил Толстяк, вытянув руку туда, где, по его мнению, стояла я.

Вайда взяла его под локоть и забрала у меня погнутую оправу. Я на секунду задержала Ви – просто убедиться, что она не пострадала. Потрепанная, в ссадинах, но крови нет. Какое это, черт побери, чудо...

Клэнси. Я резко повернулась к грузовику, и на мгновение мое сердце замерло, пока я не разглядела его темный силуэт сквозь заднее стекло грузовика. *Отстой.* Вот так мы и могли его потерять. Хаос. Беспечность. Я запаниковала, а потом, охваченная ужасом, побежала. Я даже не подумала вытащить ключ замка зажигания. Если бы Коул не связал Клэнси ноги, он бы уже смылся.

«Успокойся, – подумала я, сжав кулаки так, что ногти впились в ладони. – Ты должна с собой справиться». Уровень адреналина в крови медленно снижался, но я все еще продолжала дрожать.

– Знаешь, Бабуля, – раздался голос Вайды, и я невольно прислушалась, – а ты не так уж плохо держался в кризисной ситуации.

– Я не вижу твое лицо, поэтому не могу понять, насколько искренне ты говоришь, – отозвался Толстяк.

Забросив на спину рюкзак, я подскочила к Коулу, который помогал хромящему Лиаму обходить тела убитых. Я не могла заставить себя посмотреть на них или подумать, что Коул сделал с ними в момент ярости. Лиам прижимал пострадавшую руку к груди. Я обхватила его за талию, чтобы помочь ему держаться на ногах – но на самом деле, чтобы

самой убедиться, что с ним все в порядке. Что он жив.

Лиам наклонился ко мне:

– Поцелуй меня снова.

Что я и сделала, мягко и быстро, прямо в тот уголок губ, где виднелся маленький белый шрам. Заметив выражение моего лица, он добавил:

– Жизнь в одно мгновение пронеслась перед глазами. И в ней было недостаточно поцелуев.

Коул фыркнул, но его тело по-прежнему было скованным от гнева, которому он не мог дать выход.

– Ничего себе, малыш. Обычно ты так складно не выражаешься.

Мы подняли Лиаму в кузов пикапа и положили рядом с Толстяком, который стиснул в кулаке остатки разбитых очков.

– Вот черт, – выругался Лиам, увидев эту картину. – Мне жаль, приятель.

– *По рецепту*, – произнес Толстяк тихим, скорбным голосом. – Эти линзы были сделаны по рецепту.

Коул вытащил из-под брата кусок ярко-синего брезента и накрыл всех троих.

– Это еще зачем? – спросила Вайда, сразу же попытавшись сесть.

– Лежите и не высовывайтесь. Мы постараемся обратиться как можно дальше отсюда, а потом сменить машину. Не исключено, что они следят и за этой.

– Я хотела бы официально заявить, что это чертовски хреново.

– Принято, – кивнул парень, поднимая борт кузова.

Я снова уселась за руль, ощущая вибрацию заведенного двигателя. Клэнси наконец удалось скинуть с себя наволочку, и я, хотя и не смотрела в его сторону, краем глаза замечала, как он смотрит на меня. В первый раз за эти недели угрюмое выражение испарилось с его лица, и он... улыбался. Потом он отвел взгляд и покосился на Коула, который, закрывая дверь, хлопнул ею так сильно, что автомобиль закачался. Коул держал на коленях какую-то кожаную сумку и пистолет, который он, вероятно, забрал у одного из солдат. Его рука по-прежнему дергалась, сжималась и разжималась, пока он наконец не подложил ее под себя. Эта картина сразу подбросила мне воспоминание: «*Мейсон. Красный. Огонь*». И сразу же в моей голове соединились вместе оставшиеся кусочки пазла.

Красные в Термонде двигались странно: они бродили, пошатываясь, в то время как остальные просто ходили или взмахивали кулаком, когда другой помахал бы рукой. Но тогда я считала, что причиной этих странных подергиваний были умиряющие устройства, которые были на них нацеплены.

Но Мейсон... те дети в Нэшвилле прозвали его Дергунчиком из-за того, что все его тело подергивалось в странном ритме. Тогда мне некогда было задумываться почему: я про-

сто предположила, что это было связано с тем, как его обучали и как сломали его сознание, пытаясь превратить в идеального солдата.

Все они, Красные, вероятно, в той или иной степени страдали от приступов нервного тика. И если я смогла догадаться об этом, столкнувшись лишь с несколькими из них, неужели эти характерные проявления не были замечены тем, кто не один год находился с ними рядом: планировал их обучение, участвовал в нем и наблюдал за их тренировками?

– Клэнси... – начала я.

– Это слишком хорошо, – бросил он с коротким смешком.

Коул замер, его лицо словно обратилось в камень. Ярость, которая горела в его светлых глазах, ушла, а взгляд словно расфокусировался. Я знала этот взгляд.

Я нацелила прямо в сознание Клэнси, но будто врезалась в стену. Меня отбросило назад, а мой череп поразил разряд, превратившийся в гремющую боль. Времени на то, чтобы попытаться разорвать связь, пока еще ничего не произошло, пока он не превратил Коула в свою марионетку, у меня не было. Вскинув локоть, я врезала Клэнси так, как меня научил инструктор Джонсон, – прямо в висок. Глаза Клэнси закатились, и он сполз вперед, ударившись лбом о приборную панель.

Колеса даже провернулись на месте, когда я вдавила педаль газа, стремясь уехать как можно дальше от сигнального огня, который разжег Коул. Дым легко заметят вертолетчи-

ки или патрули. Сейчас мне не было дела до того, что Клэнси все знает и чем это нам грозит. Мне просто нужно было увезти нас отсюда.

У меня в висках по-прежнему билась боль, а сердце кололось как отбойный молоток. Посмотрев на Коула, я увидела, как он трет лоб.

– Какого черта... – Он повторил эти слова несколько раз, каждый раз – все громче, пока они наконец не превратились в рев. – *Какого черта?*

Парня так сильно трясло, что я уже почувствовала запах дыма.

– Коул, слушай меня, тебе нужно успокоиться, ладно? Успокойся, все в порядке...

Трясущимися пальцами он открыл кожаную сумку, что лежала у него на коленях, вытащил из нее склянку с прозрачной жидкостью и шприц. Пока он наполнял шприц, я старалась смотреть то на него, то на дорогу и не успела вмешаться, когда Коул вонзил иглу в затылок Клэнси.

– *Коул!*

– Это заставит гаденыша полежать тихо, пока у меня не пройдет желание как следует его отпинать, – прорычал он. – *Вот дерьмо!* Это совсем не похоже на то, как делала ты в Штабе. *Дерьмо!* – Швырнув шприц и пузырек обратно в сумку, Коул спрятал ее под приборную панель.

Рука его больше не дергалась, но тревога выплескивалась из него волнами. Я чувствовала, будто сижу рядом с челове-

ком, который никак не может определиться: поджигать фитиль или нет.

Коул повернулся к окну, наблюдая, как здания проносятся мимо, но я видела отражение его лица, и оно сказала мне все, что он не мог озвучить. Он не контролировал себя, когда загорелся военный джип. Абсолютно.

– Что он тебе показал?

– Меня.

– Что ты имеешь в виду?

Коул прислонился лбом к стеклу и закрыл глаза.

– Это был какой-то лагерь Красных, и все, что там делали с бедными детьми, чтобы их натренировать. Я видел, какими воспринимают нас другие, если ты понимаешь, о чем я... Это было просто... казалось, что сейчас я задохнусь от дыма. Их лица были бессмысленными, ничего не выражали, и на какой-то момент я до усрачки испугался. Будто я, и правда, оказался там. Я был у них, и я был следующим.

– Мне жаль, – сказала я подавленно. – Я слишком поздно поняла, что происходит. Мне следовало...

– Сам виноват, что не догадался, – резко сказал Коул. – Не вини себя, Конфетка, твоей вины в этом нет. Ты же сказала мне, что он был связан с проектом «Джамбори». Мне следовало следить за собой вместо того, чтобы вести себя как чудовище, это просто... *Проклятье!* – Он врезал кулаком по двери. – Я вообще не думал. Я просто... это одержало верх. На мгновение это одержало верх.

При этих словах сердце мое сжалось. Мне было знакомо это чувство. Неважно, какой силой ты обладаешь, насколько полезны твои способности. Они обладают собственной волей. Если ты не будешь постоянно одерживать над ними верх, они найдут способ вырваться из-под контроля.

– Этим детям, особенно Зеленым и Синим, все так легко достается, правда? – тихо произнес Коул. – Легче себя контролировать, легче скрывать. Новые способности не разрушают их жизнь, как это случается с нами. Нам нужно концентрироваться, иначе мы сорвемся. А мы не можем позволить себе сорваться.

Лиам – и Толстяк, и Вайда, и такие как они – не смогли бы понять, сколько требовалось труда контролировать то, что я могу делать – чтобы эта сила не контролировала меня. Если хоть на секунду я отпущу поводок, я могу причинить кому-то вред. Причинить вред себе.

– Мне кажется, будто я постоянно стою на краю, и я не могу... не могу вмешаться, не перепугавшись до смерти, что могу все разрушить. Я не хочу разрушать все хорошее, что встречается мне на пути. И я не могу контролировать это достаточно долго...

– А ты думаешь, я могу? Большую часть времени я чувствую себя так, будто меня варят заживо изнутри. Оно кипит и кипит, пока я наконец не выпущу пар. И так было, даже когда я был ребенком. – Коул негромко и невесело рассмеялся. – Это было не похоже... не похоже на голос или что-

то вроде того. И никто мне ничего не нашептывал на ухо. Это как некая потребность. Как будто я всегда стою слишком близко к огню, и мне нужно просто протянуть руку, чтобы ощутить, горячий ли он на самом деле. Я не мог спать ночью. Я был уверен, это из-за того, что мой отец – сам дьявол. На самом деле, правда, он сам Принц Тьмы во плоти.

– Гарри? – неуверенно уточнила я.

– Нет, биологический отец. Гарри – это...

– Да, правда, я забыла, – кивнула я.

– Похоже, Ли много о нем рассказывает? – И, не дожидаясь ответа, Коул заговорил снова. – Ага, наш настоящий папаша... этот мужик... тупой, как пробка, и подлый, как змея. Не слишком хорошее сочетание. Я все еще иногда представляю себе, как найду его, вломлюсь в его старый дом и все там сплю.

– Лиам только один раз упоминал о нем, – проговорила я, стараясь не выдать своего любопытства, хотя меня так и подмывало засыпать Коула вопросами. Это была та часть жизни Лиамы, которой тот не хотел делиться. И какой бы ужасной она ни была, мне все же хотелось чтобы он поделился этими воспоминаниями со мной. – Когда вышел из себя.

– Хорошо, надеюсь, это означает, что он половины не помнит. Этот мужик... он был чудовищем. А стоило ему разозлиться, он превращался в настоящего дьявола. Так что один из нас был просто обречен оказаться тем яблоком, которое падает недалеко от яблони. Знаешь, я часто задумывался: за-

висят ли наши способности от того, что уже есть внутри нас. И этот огонь – это его гнев. Это ярость моего отца.

Я понимала, что это ничего не изменит – по крайней мере, мне слова ободрения никогда не помогали, но я должна была это сказать. Я должна была сказать это ему.

– Но ты – *не чудовище*.

– А разве чудовища не извергают огонь? Разве они не сжигают дотла королевства и страны? – Коул криво улыбнулся. – Ты же и сама себя так называешь, разве не так? Неважно, сколько раз другие скажут тебе, что это неправда, ты видела доказательство. Ты не можешь доверять себе.

Я откинулась на спинку сиденья. Неужели и он так же отчаянно мечтал об исцелении, как все мы?

– Тебе же плевать на лагеря... да? – спросила я. – Дело в противоядии.

Парень сглотнул – кадык его дернулся.

– Отгадала с первой попытки. Можешь спокойно считать меня сволочью.

– Почему? Потому что ты не хочешь вот так вот страдать? – бросила я. – Потому что ты хочешь быть нормальным?

– А что такое «быть нормальным»? – вскинулся Коул. – Не думаю, что кто-то из нас помнит, каково это.

– Отлично, – не отступала я, – тогда потому, что ты хочешь вести жизнь, в которой не будет всей этой хрени. Для меня это лекарство дороже воздуха. Я никогда не привыкну.

Я никогда не позволяю себе думать об будущем, но сейчас это желание сильнее меня. Я так хочу этой свободы! Но кажется: чем больше я делаю, пытаюсь ее обрести, тем дальше она оказывается от меня.

Коул потер лицо рукой и кивнул.

– Иногда мне кажется, что так тоже можно жить. ... Забываешь, потому что какое-то время получается справляться: тебя сбивают с ног, а ты поднимаешься. Но теперь это становится сложнее, ведь так?

– Да. – Я впервые признала это. И в этом «да» не было надежды, как не было ее и во мне самой.

– Я знал, что все равно поднимусь. Тут другое. Я боюсь, будто однажды я просто... взорвусь. Вспыхну. И уничтожу всех, кто мне дорог, потому что во мне все время кипит гнев и я ничего не могу с этим сделать.

Коул вытянул перед собой руку, ожидая, что пальцы сведет очередной спазм. Когда этого не случилось, он посмотрел на Клэнси.

– Их держали взаперти в этих белых комнатах. Свет горит круглые сутки, а еще голоса. Они звучат днем и ночью и твердят всякое дерьмо, типа *«ты дурной, признай, что ты не такой, мы тебя исправим»*. Они причиняют боль детям – по-настоящему причиняют боль, снова и снова. Это было... когда я это увидел, то выдержал с трудом – а я не из тех, кого легко выбить из колеи. Неужели это... на самом деле? Или он все это придумал?

Мои руки крепче сжали руль.

– Клэнси мог внедрить в твое сознание любой образ, какой захочет. Только я думаю, что правда настолько ужасна, что ему и не нужно было ничего добавлять.

– Не знаю, что бесит меня больше: то, что делали там с детьми или что нашли способ, как запереть внутри них огонь. Вот это полное дерьмо, Конфетка. Какого дьявола... – Коул тряхнул головой. – Если он еще кому-то скажет, если скажет *Лиаму*, что мне тогда делать? Любой постарается держаться от меня подальше.

– Он этого не сделает, – пообещала я. – Сколько еще этого добра у тебя есть?

Коул расстегнул сумку.

– Еще три дозы.

– Тогда Клэнси будет в отключке, пока мы не доберемся до Ранчо и не поместим его в безопасное место, – кивнула я. – Мы будем постоянно держать его в изоляции, и взаимодействовать с ним буду только я.

– Убить его было бы проще. – Коул произнес это без гнева или ярости, и, может быть, именно поэтому я сразу поверила в его искренность. Просто холодный, безжалостный прагматизм. Было жутковато наблюдать, как с такой скоростью менялся его настрой.

– Нельзя, – ответила я ему, используя один из его собственных аргументов: – Клэнси по-прежнему единственный знает, где его мать. И пока мы не узнаем, где она, у нас свя-

заны руки. Мне нужно это лекарство. Чем бы это ни оказалось, оно мне нужно. Я ненавижу Клэнси, может, сильнее, чем кого-либо еще. Но еще сильнее я ненавижу такую жизнь. Я ненавижу думать о том, что этому не будет конца.

Коул снова повернулся к окну, за которым мелькали нечеткие картинки сооружений.

– Тогда мы с тобой, Конфетка, должны понять, как опережать на шаг монстров, которые в нас живут.

Я кивнула. И у меня сдавило горло – от желания заплакать, от удивления, что я наконец-то встретила кого-то, кто понимает. Кто боролся не только со всем и всеми вокруг, но и с самим собой.

– Ты уверена, что это не кошмарный сон? – тихо спросил он. – И что однажды мы все-таки проснемся?

Я посмотрела вперед на дорогу, на то, как пыль, которую приносил из пустыни ветер, покрывает ее блестящей пленкой – золотистой, хотя солнце давно скрылось за серыми облаками.

– Уверена, – через некоторое время кивнула я.

Потому что те, у кого есть мечта, всегда просыпаются, оставляя своих чудовищ позади.

Глава четвертая

Гроыхнул гром, и сразу же закапал дождь. Мы как раз выехали из Мохаве, небольшого городка у подножия скалистых гор. Вдалеке, на острых вершинах, обозначились первые проблески зеленого.

– Гостиница «В те времена». – Коул показал на небольшую двухэтажную постройку, приютившуюся на углу. – Заедем туда. Нужно добыть ребятам новую машину, да и эту тоже сменить.

Жизнь уже давно покинула этот город. Здания, дома и магазины пришли в упадок – заботиться о них было некому. За время наших скитаний я уже привыкла к таким картинам, и меня не охватывал ужас при виде пустых детских площадок, свежих могил на кладбищах, запертых и заколоченных домов. Даже Калифорния под управлением Федеральной Коалиции, а не правительства США, оказалась уязвимой перед новой реальностью экономических неурядиц, с которыми с трудом справлялись остальные штаты.

– Возможно, кто-то здесь все же остался, – возразила я, – чтобы присматривать за этим местом.

– Посмотри на машины, – возразил Коул. – Они покрыты грязью. Значит, уже давно здесь стоят. К тому же я не заметил никакого движения ни в окнах отеля, ни на его территории. *Паркуйся.* Заезжай вон туда, поближе к серой «Тойоте».

Я заглушила двигатель, а Коул убедился, что Клэнси по-прежнему без сознания и надежно связан стяжками. Пока он осматривал машины в поисках той, чтобы завелась и была заправлена, я выбралась с водительского места и торопливо зашагала к кузову, чтобы отвязать брезентовый тент. Все трое одновременно зашевелились, моргая от тусклого солнечного света.

– Привет, – сказала я, поддерживая Лиам за руки, чтобы помочь ему слезть на землю. – Ты в порядке?

Кивнув, Лиам благодарно сжал мое плечо, метнувшись к Толстяку.

– Толстяк... погоди... вот черт, приятель...

Без очков парень вообще ничего не видел и, споткнувшись о выбоину в асфальте, упал, а Лиам не успел его подхватить. Протянув Толстяку здоровую руку, чтобы тот поднялся на ноги, Лиам потащил друга за парковку, и они исчезли за углом отеля. По тому, как быстро и ничего не объясняя, парни ушли, стало понятно, куда они так торопились.

– Ехать спереди было так же классно, как сзади? – спросила Вайда, прыгнув с кузова, и потянулась, захрустев суставами.

– Никто никого не убил, – ответила я. – А ехать в кузове было совсем ужасно?

– Не-а, – пожала плечами Вайда. – Хотя, конечно, не слишком удобно и холодно. Однажды ты очень резко повернула, и Бабуля случайно распустил руки. Каждый раз, когда я

об этом упоминаю, у него такой вид, что он вот-вот умрет от стыда. Короче, я собираюсь выжать из этого все, что можно.

– Тебе обязательно это делать? – с упреком спросила я.

– Почему бы и нет. Его сильнее бесило, когда мы стали играть, выясняя, кто сможет придумать ему худшее прозвище.

– Дай угадаю: ты выиграла?

– На самом деле, это был Бойскаут. Да ладно тебе. Он предложил «Пухлый-Пухлый-Чух-Чух». Даже я не смогла бы лучше! Я чуть не описалась от смеха.

Я подумала, что Толстяк заслужил долгие и крепкие объятия.

Посмотрев в сторону гостиницы – убедиться, что парни благополучно возвращаются к нам, я заметила яркое пятно. Заслонив глаза от дождя, я двинулась к двум домам, которые стояли непривычно близко к дороге. Растрескавшаяся бетонная стена, что выходила на близлежащую парковку, была покрыта примитивными граффити.

– Что? – спросила Вайда. – На что ты так уставилась?

Большая часть этих рисунков вовсе не была рисунками, и многие из них не были нарисованы краской из баллончика. Я стерла капли со лба, отбрасывая назад влажные волосы. На стене перманентным маркером были неразборчиво написаны имена: *Генри, Джейден, Пайпер и Лиззи* – огромными петляющими буквами под большим черным кругом с фигурой вроде полумесяца внутри. Ускоряя шаги, я шла к этому дому, чувствуя, что Вайда тоже идет за мной.

Мой взгляд заметался, сканируя изображения. Одну надпись синей краской – это были буквы К, Л, З и Х, похоже, нарисовали из баллончика, и она была такой свежей, что еще продолжала стекать по стене. Я коснулась этих букв, и пальцы тут же испачкались и стали липкими.

– Ого. Ничего себе. – Лиам сдавленно усмехнулся и тоже подошел ближе, чтобы лучше рассмотреть надписи.

– Ух ты, а что это? – спросил Толстяк.

– Это дорожный код. Помнишь? В Ист-Ривере.

Я взглянула на Толстяка. Он нахмурил лоб, очевидно, озадаченный так же, как и я. Тогда Лиам с головой окунулся в жизнь в лагере, стараясь подружиться со всеми, я в основном проводила время с Клэнси, а Толстяк – наедине с собой.

– Что ж, – уверенно сказал Лиам, – это та самая система безопасности, которую там разработали. Мы использовали ее, чтобы отмечать, как вернуться назад после вылазок за провиантом. И всех, кто покидал лагерь, отправляясь в самостоятельное путешествие, тоже обучали тому, как работает этот код. – Парень приложил ладонь к полумесяцу. – Этот я помню. Он означает, что место безопасно. Сон. Отдых. Всякое такое.

– А имена – это дети, которые здесь были? – спросила Вайда.

– Ага. Так делают, если группе пришлось разделиться или если они хотят оставить отметку, по которой будет идти другая группа.

Дождь полил сильнее, и Лиам замолчал, чтобы вытереть лицо.

– Существуют разные знаки для мест, где можно найти еду, одежду, для дома, где живут добрые люди и могут помочь, и так далее, и тому подобное.

– И это все Клэнси? – спросила я.

– Удивительно, правда? – ответил Лиам. – Я и не предполагал, что он способен больше двух секунд думать о ком-то еще, кроме себя, и не покончить с собой от отвращения.

– Уф. – Толстяк взял в руки линзу от своих очков и смотрел в нее как в увеличительное стекло, не обращая внимания на насмешки Вайды. – Дети действительно добрались сюда из Вирджинии?

«Мы добрались», – хотелось мне сказать. Но наши обстоятельства были... другими, мягко говоря.

– Держу пари... – Лиам взял меня за руку и повел за угол, где забор дома примыкал к забору вокруг парковки. Дальше по улице, на противоположном углу стояла церковь. На ее стене четкими черными линиями были нарисованы две перевернутые буквы V, заключенные в круг. – ...что это указатель направления, который показывает, по какой дороге следовать.

– Ого, – протянула я. – Я не раз видела эти знаки на дороге из Лос-Анджелеса. Но мне и в голову не проходило, что они означают. Думала, что это как-то связано со строительством дорог.

– Забавно, что я помню их с тех пор... когда мы ехали через... – Лиам помедлил, – через Харрисонберг?

Я озадаченно уставилась на него. Но мгновенно догадалась, что этот вопросительный тон – свидетельство того, что рана в его душе еще не зажила.

– Мы ехали через это место... вместе, да? Я не... Я ведь ничего не путаю?

Его лицо казалось расстроенным, но в голосе не прозвучало обвинения. И меня это убивало. Я почти исправила все, что сделала с его памятью – вернула все, что стерла. Но иногда на воспоминания о том, что на самом деле происходило с нами, накладывалась история, которую я внедрила в его сознание. Несколько раз я слышала, как он просит Толстяка прояснить какие-то детали, но я первый раз столкнулась с этим впрямую. Боль стиснула грудь. Мне захотелось превратиться в лужу и стечь в канализацию вместе с дождем.

– Верно, – выдавила я. – Ты правильно помнишь. Мы проехали там, когда направлялись к «Волмарту»³.

Я уже собиралась вернуться на парковку, но Лиам схватил меня за запястье, и я приготовилась принять все, что он скажет.

Но он, похоже, не собирался ничего говорить. Парень опустил глаза, поглаживая большим пальцем мягкую кожу на внутренней стороне моего запястья.

– Я помню другой мотель, – наконец произнес Лиам, –

³ *Walmart* – широко распространённая в США сеть супермаркетов.

почти такой же, как этот, только двери не были красными. — Он потер затылок и смущенно улыбнулся. — Я вел себя как идиот, пытаюсь вручить тебе пару носков.

Вспомнив, как это было, я тоже заулыбалась.

— Ага. А как насчет того случая, когда ты пел мне серенады из песен *The Doors*? «*Давай, детка, зажги мой огонь...*»

— Если бы ты не засмеялась, я наверное допел бы и дотанцевал до конца, — признался Лиам. — Вот как сильно я хотел, чтобы ты улыбнулась.

Теперь мое сердце болело уже по совершенно другой причине. Я приподнялась на цыпочки и нежно поцеловала его в щеку. С парковки послышался резкий свист — стоя рядом с небольшим белым седаном, Коул махал нам рукой. Увидев это, Лиам закатил глаза, но подошел к автомобилю с водительской стороны. Однако Коул покачал головой и показал на Вайду.

— Она поведет. — И сразу оборвал Лиам, не дав брату вставить и слово. — Без вариантов. Твоему плечу нужен отдых. Поблаговаришь потом.

— Ну ты и *сволочь*! Я в порядке...

— Вот это и называют братской любовью? — задал вопрос Толстяк.

— Эй, меня это устраивает, — сказала Вайда, никак не отреагировав на эти слова. — Может, теперь мы сможем проезжать больше сорока миль за час. До скорого, попытайтесь не привести нас прямо к еще одному военному патрулю, ага?

– Будь осторожна! – без особой надежды крикнула я.

– Готова, Конфетка? – спросил Коул. Вместо того, чтобы вернуться к красному грузовику, он показал мне на другой, синий. – У нас новые колеса. Наверняка о красном уже кто-то донес. Наш Маленький принц уже внутри и надежно связан.

Я заметила, что парень направился к пассажирскому сиденью.

– Разве ты не хочешь сесть за руль?

– Зачем? Тебе нужно передохнуть? Или, может, поведешь еще несколько часов? Я хотел бы немного подремать. Могу сменить тебя, когда стемнеет.

Когда мы снова выехали на дорогу, Коул почти сразу вырубился. Он только успел сказать мне свернуть на следующем перекрестке направо и включить дворники, как уже прислонился головой к окну и отключился.

Но я бы справилась и сама. Грузовик был почти новым с электронным компасом на панели. Мне нужно было просто держаться направления на север, пока не увижу указатели на Лодай или Стоктон.

Но пока что мне попадались только знаки, нарисованные на стенах зданий. На заборах. На жалюзи и витринах торговых центров. Теперь, когда я знала, что они означают, я начала видеть их повсюду. Они снова и снова бросались мне в глаза, притягивая внимание.

Когда я увидела вдалеке новую порцию рисунков, в мою

голову закралась безрассудная мысль. Еще сомневаясь, я посмотрела на Коула, пытаюсь предположить, как сильно он разозлится. Мы быстро приближались к очередным знакам дорожного кода, и если я сейчас не сверну в эту сторону, я окончательно потеряю след...

Да что тебе до этого? Ты даже не знаешь этих детей...

Но я не могла проехать мимо. Потому что я знала, каково это – выживать на дороге. И если им нужна помощь, я хотела, чтобы они пришла от нас.

После того, как я свернула направо, стрелки внезапно изменили направление. Они уводили меня от обеих дорог, по которым я бы проехала через горы к шоссе на Оак-Крик, и в другой жизни это бы оказался весьма живописный маршрут. Еще один правый поворот на дорогу Техачапи-Уиллоу-Спрингс, которая огибала город Техачапи. Все знаки, указывающие на приближающийся город, были отмечены большой буквой «Х» с маленьким кружочком в центре. Это изображение так сильно напоминало мне череп со скрещенными костями, что я не рискнула ее игнорировать.

Когда мы подъезжали к аквапарку, я почувствовала, что начинаю плыть. Мои глаза постоянно закрывались, и я просыпалась от того, что вздрагивала. *«Не засыпай! – Я заставляла себя взбодриться: – Проснись, проснись, проснись»*. Коулу нужно было восстановить силы после двух адских недель в Лос-Анджелесе, когда мы постоянно перемещались. Я могу с этим справиться. Я смогу продержаться до ближайшей

заправки.

С каждой минутой становилось все темнее, а зимнее солнце уже давно скрылось за серебристыми тучами. В серо-синем свете вспыхнул знак зоны отдыха на низкой каменной стеле, и граффити на нем показались особенно темными. Инициалы, которые я увидела, подтолкнули меня найти расшифровку, и, глядя на дорогу, я продолжала крутить их в голове.

ПДДР... Пол, Джордж, Джон и Ринго... попугай, дикобраз, динго, россомаха... пистолет, двустволка, дробовик, револьвер...

ХБПК... Хэзел, Босс, Пятак, Клюковка... хлопья, бекон, пита, картошка... Харрисонберг, Бедфорд, Пемброк, Ковингтон...

Под этими надписями я высмотрела еще один знак, совсем выцветший. Притормозив, я вгляделась получше, пытаюсь разобрать буквы сквозь пелену дождя. Ливень почти их смысл, но мне все же удалось различить что-то похожее на *КЛЗХ*.

Киа... Лексус... что-то на З... Хонда... Ладно, это не очень подходит. «Канзас», «Лед Зеппелин», «ЗиЗи-Топ», «Хоулис»⁴. Черт, с буквой З сложно – зебры, зоопарки, задачи, зюзя и Зу. Вот и все. Больше мне в голову ничего не приходило.

Улыбаясь, я зевнула. Что-то на К, Лиам, Зу, Хина. А, Кай-

⁴ Названия музыкальных групп: *Kansas*, *Led Zeppelin*, *ZZ Top*, *The Hollies*.

ли – Кайли с Ист-Ривера, подходит. Кайли, Лиам, Зу, Хина. Или даже Кайли, Люси, Зу и Хина.

Пораженная, я застыла, и казалось, что ветер в вентиляционных решетках взревел еще громче. Он заполнял мои уши, пока сердце не начало колотиться о грудную клетку так гулко, чтобы его биение заглушило этот шум.

«Кайли, Люси, Зу и Хина». Мысленно я пела эти имена снова и снова, пока не почувствовала, что схожу с ума. *«Прекрати».* Я попыталась переключиться на что-то другое, например, *«кенгуру, лев, зебра, хамелеон»*, но никак не могла избавиться от ощущения, будто моя кровь вот-вот закипит.

Если этот знак оставили именно они, похоже, что мы совсем рядом. И если они знают, как следовать по этим знакам, тогда они... тогда эти дети из Ист-Ривера, верно? При мне только одна группа покинула Ист-Ривер, и это была группа Зу.

«Прекрати».

Я попыталась глубоко вдохнуть свежий воздух, потянулась к печке, чтобы немного прибавить тепла – согреться и унять бившую меня дрожь. Сколько еще детей, у которых имена начинаются на те же буквы. И даже если это действительно была группа Зу, в этой надписи должна была стоять буква Т для Тэлона, подростка, который пошел с ними. Я попыталась вспомнить их лица, но безуспешно. Удивительно, что я помнила, какого цвета их волосы, как они носили свои черные банданы, как звучали их голоса, но совершенно не

помнила их черт. Чтобы защититься от боли, мое сознание заблокировало многое из случившегося в Ист-Ривере, и теперь мне казалось, будто все это происходило с другим человеком.

Но Зу – о Зу я помнила все, и то, как топорщились ее волосы по утрам, и каждую веснушку у нее на носу. Краем глаза я отметила еще одну кодовую надпись и даже две на указателе с расстоянием до города, направленном в сторону ближайшего шоссе. На одной был нарисован полумесяц в круге, на другой – несколько стрелок, указывающих направо, на восток – а не прямо, как остальные.

Я включила фары, и они осветили кущи деревьев по обеим сторонам дороги. Я уже начала поворачивать, жалея о том, что нет никакого способа поговорить с Лиамом и Толстяком, но запретила себе думать об этом.

Последние несколько дней из без того оказались тяжелыми для Лиамы. Подарить ему надежду, которая вскоре будет разрушена, было бы особенно жестоко. Толстяк смог бы справиться с разочарованием, но Лиям... я не хотела видеть, каким пустым станет его лицо, когда все это окажется ошибкой. Я уже столько раз подводила его. Я не хотела добавлять в этот список еще один пункт.

Но все эти мысли заглушал тоненький голосок, который шепотом спрашивал: *«А что, если это она?»*

Кайли, Люси, Зу и Хина. КЛЗХ.

Это было опасно – это означало, что иногда в жизни все

может складываться почти что магическим образом. Что все может обернуться намного лучше и проще, чем ты можешь себе представить.

Эта краска была достаточно свежей, и тогда ее должно было смыть настойчивыми струями дождя, так ведь? Они не могли намного нас обогнать.

«*Не поступай так с собой*», – подумала я. Мы забрались намного севернее тех мест, где жил дядя Зу – Лиам говорил мне об этом, а в надписях по-прежнему не встречалась «Т» для имени Тэлونا. Может, я просто слишком устала или отчаялась, или хотела получить какое-то доказательство того, что жизнь иногда может быть добра. Что бы это ни было, я не могла оставить все как есть.

Но чем мы рисковали, поехав по этому следу, просто чтобы посмотреть, что ждет нас в конце? Что, если это наш единственный шанс найти ее?

Джуд сделал бы это. Его даже убеждать бы не пришлось.

Сворачивая направо, я понимала, что веду себя как безумная, и остальные, определенно, считали так же. Вайда коротко посигналила – это прозвучало как тихий вопрос. Мы оказались на темной подъездной дороге, даже не заасфальтированной. Грузовик въехал в грязь, перевалившись через следы, оставленные чьими-то другими шинами. Вдоль дороги возвышались раскидистые деревья, узловатые, кривые и сросшиеся друг с другом. Я хорошенько разогналась, чтобы проскочить прямо через заросли, ломая ветки и обрывая ли-

стья.

Именно этот шум, а не послышавшийся раньше вопросительный звук клаксона другой машины, наконец-то пробудил Коула после двухчасового сна. Я увидела, как он потянулся, провел руками по лицу один раз, затем другой, стараясь осознать окружающую обстановку после такой глубокой отключки.

– Ты должна была меня разбудить! – Парень прищурился, уставившись на приборную панель. – погоди... Черт побери, где мы? Почему мы едем на восток, а не на север?

– У меня возникло предчувствие, – объяснила я.

– Ага, а у меня – новая головная боль, и – вот сюрприз – ею оказалась ты, – бросил он, посмотрев на меня поверх лежащего ничком Клэнси. – Что вообще стряслось?

– Я подумала... – Тут деревья внезапно расступились, и я увидела, что дорога, по которой мы ехали, действительно была длинным подъездным путем, который вел к когда-то роскошному дому в горах. Большой – два этажа, гараж на две машины. Фасад из камня и дерева, словно, несмотря на значительные размеры, здание все равно должно было вписываться в окружающее пространство.

– Я все еще жду ответа, – напомнил Коул, пока я парковала машину.

– Здесь могут прятаться дети, – ответила я. – Я просто хочу осмотреться – клянусь, *клянусь*, я быстро управлюсь.

Коул стиснул зубы. Что же было написано на моем лице,

если он все-таки кивнул и сказал:

– Хорошо, но возьми с собой Вайду. У вас две минуты.

Остальные открыли двери, а Лиам вышел прямо под дождь.

– Что происходит?! – крикнул он.

– Мне просто ненадолго нужна Вайда, – откликнулась я. – Нет, только она. *Она*. У нас одно быстрое... дело.

Толстяк застонал.

– Какое дело? Руби опять готова влезть во что-то смертельно опасное? Это такое дело?

Чтобы избежать дальнейших вопросов, я хлопнула дверь и даже вздрогнула, увидев, с какой надеждой посмотрела на меня Вайда, подходившая к машине.

– Это насчет... Кейт?

Все ее лицо светилось ожиданием чуда, она широко раскрыла свои миндалевидные глаза, приоткрыла пухлые губы, не решаясь улыбнуться. Ох... если Кейт не удалось выбрать-ся, если она не ждет нас, справится ли с этим Вайда? Не знаю...

– Мне кажется, здесь могут прятаться дети.

Это ее воодушевило. Девушка сунула руку в карман своей толстовки, вытаскивая пистолет.

– Все в порядке, круто, – кивнула она. – Как ты предлагаешь действовать?

Парадная дверь и окна первого этажа были заколочены, задний и боковые входы – тоже. И когда мы начали обходить

дом во второй раз, пробираясь в темноте по грязи и высокой траве, то и дело поскальзываясь, восторги Вайды поутихли. И не было ни одной лестницы, чтобы забраться на второй этаж. В самом доме было тихо и темно. Мы направились к гаражу, его старомодная механическая дверь скрывалась в тени. Но когда мы подошли ближе, я встала как вкопанная. На ней, на одном гвозде, висело вырезанное из какого-то металла изображение полумесяца.

Безопасное место. Я глубоко вдохнула и коснулась холодной ручки гаража. Вайда держалась чуть позади, но подняла свой пистолет, прицеливаясь...

Однако гараж оказался пустым.

Ни машин, ни рюкзаков, ни детей, которые прижавшись друг к другу, сидели на одеялах – только садовый инвентарь, мусорные баки и разный хлам. На темном полу валялись целые кучи ярких оберток.

Вайда прошлась по гаражу, расшвыривая ногами мусор. Теперь, когда мои глаза привыкли к темноте, я заметила и другие признаки того, что недавно здесь побывал по крайней мере один человек: в углу лежали несколько покрывал и спортивная сумка.

– Пойдем, – позвала меня Вайда. – Если кто-то и был здесь, они, должно быть, свалили.

– На дороге были видны следы шин, – сказала я.

Сомневаюсь, что мои слова могли бы кого-то убедить, потому что и сама уже не была ни в чем уверена. Я двинулась

было к двери, которая вела в дом, но тут же остановилась, заметив на ней замок.

Коул посигналил, как будто именно этой пощечины мне и не хватало.

«Ты ведешь себя как ненормальная, – подумала я. – Собирайся. Есть более важные вещи».

Нет. Более важных вещей не было. Потому что правда заключалась в том, что я бы в любом случае пришла сюда. Я шла бы сюда пешком из Лос-Анджелеса, одна, в темноте, под проливным дождем, если бы это означало, что я снова найду Зу. Я отчаянно хотела этого – мне нужно было убедиться, что она в безопасности и с ней ничего не случилось, и я не подвела ее так, как других.

Конечно, я тоже предвидела такой исход, но все равно, шагая к выходу за Вайдой, почувствовала себя безответственной и глупой. Теперь я была рада отвлекающему дождю: достаточно было одного неверного слова, одной неправильной мысли – и я разрыдаюсь.

Вайда положила руки на пояс, рассматривая темные контуры деревьев, которые окружали дом высокой стеной.

– Было бы неплохо передохнуть тут пару дней. Знаешь, я тоже видела знаки. И думаю, если бы ты не заехала сюда и не проверила, ты бы никогда не успокоилась.

– Простите, что затащила вас сюда, – пробормотала я.

Махнув мне рукой, Вайда пошла к своей машине. Лиам оставил дверь открытой, и в освещенной кабине мне были

отчетливо видны два очень обеспокоенных лица.

Вдруг Вайда застыла, медленно наклонилась и подняла что-то с земли – что-то белое и перемазанное в грязи.

– Эй, дорогуша! – крикнула она, швырнув этот предмет мне. Мои руки тряслись, а еще были мокрыми и скользкими, но каким-то чудом мне удалось его поймать.

Это был маленькая детская кроссовка. Белая ткань почернела от грязи и сажи, но шнурки по-прежнему оставались розовыми, как будто даже грязь не могла убить это цвет. Я крутила его в руках, проводя пальцами по вышитому сбоку рисунку.

Коул четко дал понять, что с моей попыткой отклониться от маршрута покончено. Он занял мое место за рулем и уже опускал окно, когда я бросила ботинок на землю.

– Я знаю, знаю.

Я дрожала всем телом, так сильно, что стучали зубы. Коул сжалился надо мной и повернул печку в мою сторону, но продолжал молчать. Я тоже молчала.

Тот кроссовок... Господи, тот ботинок с розовыми шнурками...

Вайда объехала нас и первой выкатила на дорогу, чтобы вернуться назад, к шоссе. Коул пристроился сзади, крутя настройку радио. Свет фар пикапа пробивался сквозь заросли деревьев и листву. Я уловила какое-то движение – словно животное рвануло прочь.

– Все в порядке, – сказал Коул. – У тебя есть какие-то

предположения о том, где мы сейчас? Может, ты видела название города? А, Конфетка?

Мой разум заикнулся на этом ботинке, в голове крутились мысли о вышивке, о том, что она показалась мне теплой, несмотря на холодный воздух и дождь, об этих розовых шнурках, которые выглядели как что-то...

Я со всхлипом вдохнула достаточно громко и неожиданно, чтобы Коул резко ударил по тормозам.

– Что? *Что?*

Но я уже лихорадочно отстегнула ремень безопасности, выпрыгнула в дождь и побежала обратно к дому.

Я помнила эти шнурки. Я выбрала эти кроссовки именно из-за них. Я перерыла всю корзину в «Волмарте», потому что знала, что ей они понравятся, я знала...

Послышался выстрел, эхом прокатившийся по темным горам, и это было единственное, что могло меня остановить. Мои ноги заскользили по грязи, пока я пыталась справиться с инерцией. Обе машины остановились, а Коул открыл дверь грузовика со своей стороны, чтобы успеть задержать Лиамы и Вайду. Все, у кого было оружие, целились в деревья вокруг нас. Я сделала еще один шаг вперед. Мне было плевать на охотников за головами, на СПП или Национальную гвардию и даже на владельцев того дома. Я думала о том, как должен быть напуган ребенок, который спрятался в темном лесу, не зная, кто же добрался до одного из тех немногих мест, которые казались ему безопасными.

Меня еще не пристрелили. И это был точно хороший знак.

– Зу?! – громко позвала я, стараясь перекрычать шум дождя в кронах деревьев.

Нет ответа.

– Зу?! – заорала я, делая еще один шаг вперед. – Сузуми? Зу?

Лес вокруг меня будто испустил глубокий вдох, снова погружаясь в ночной покой. Если там кто-то и был, то не она. Она бы пришла.

Ведь так?

Я почувствовала острый укол разочарования и попятилась назад.

– Ладно, – пробормотала я. – Ладно. Простите, мы уезжаем.

Оглянувшись, я увидела, как Коул опускает пистолет. Лиам шел к брату, протягивая ко мне руку, но тут же опустил ее. Он сделал еще один шаг вперед и остановился, широко открыв глаза.

И когда я снова повернулась к лесу, я уже не видела ничего вокруг, кроме нее.

Бело-розовое пятно вырвалось из-под прикрытия деревьев, из бледных пальцев, которые пытались ухватить ее за рубашку и оттащить назад. Долговязые ноги скользили и спотыкались в грязи, и она неслась ко мне так быстро, что я едва успела поднять руки.

Зу врезалась меня с такой силой, что мир, кажется, со-

дрогнулся. Плача и одновременно смеясь, я покачнулась назад, обхватывая ее руками. Зу уткнулась лицом в мои волосы, вжимаясь в меня, и сразу обмякла от моих прикосновений.

Безотчетное, ликующее радостное чувство молнией ударило в меня, согрев до самых кончиков пальцев. В голове звучала музыка. Наслаждаясь этим, я даже не сразу заметила, как сильно ее трясет и какая она окоченевшая. Зу плакала, и эти тихие всхлипы, кажется, не были слезами счастья. Я отодвинулась от нее, чтобы увидеть ее лицо, а девочка только крепче вцепилась в мои рукава, качая головой.

– Думаю, это твое? – сказала я, показав ей ботинок.

Зу позволила мне вытереть грязь с ее босой правой ноги, надеть кроссовок и завязать шнурки. Должно быть, он свалился, когда она бежала к тем деревьям. Дети слышали, что мы едем, и запаниковали.

– Зу? – Лиам шел к нам быстрыми шагами, и, поскользнувшись, проехался по грязи, приземлившись рядом с нами. – Зу?

Девочка повернулась к нему, восторг на лице Лиамы сменился паническим беспокойством. Когда Зу потянулась, чтобы его обнять, парень взял ее за руки и осмотрел каждый сантиметр ее тела в поисках ушибов, порезов – чего угодно, что объяснило бы, почему она смотрит на нас так, будто мы восстали из мертвых, почему она держится за нас так, будто в следующий миг мы можем исчезнуть.

– Это она?! – в надежде крикнул Толстяк, который, спотыкаясь, брел в нашу сторону – Я не вижу...

– Вот... поворачивайся медленнее... – подойдя к парню, Вайда вывела его из-за двери и показала направление.

Толстяк похлопал по переднему карману куртки в поисках одной из своих линз.

– Привет! Что такая девочка делает в этом месте? – спросил Лиам, пока маленькие ручки Зу гладили его лицо и мокрые волосы.

Толстяк плюхнулся на колени, окатив нас брызгами грязи. Он протянул руки туда, где, как ему казалось, находилась Сузуми.

– Ты не одна, так ведь? Ты знаешь, что случается, когда путешествуешь в одиночку, здесь...

Зу повалила его на землю. Грязь хлюпнула под его спиной, и он шумно выдохнул.

– Ладно... порядок, – пробормотал Толстяк, осторожно обнимая девочку и прижимая к себе. – Ты замерзаешь. Нам нужно найти одеяло, прежде чем у нее начнется гипотермия...

Зу выпрямилась и прикрыла рот рукой, из-за чего Лиам разразился смехом. Она тоже улыбнулась в ответ, пусть даже губы ее дрожали, и улыбка вышла слабой и неуверенной. Я сама готова была расплакаться от ее вида.

Я рассматривала ее, стараясь соотнести этот новый образ с тем, который хранился в моей памяти. Волосы Сузуми сно-

ва отрасли и вились кудряшками около ушей. Все остальное тоже изменилось. Девочка вытянулась и похудела. Болезненно похудела. Щеки ее ввалились. И даже в темноте я увидела, что так же выглядят и остальные – те, кто наконец-то показался из-за деревьев. Они шли к нам, спотыкаясь, моргая от яркого света фар. Я насчитала по меньшей мере двенадцать человек, разного роста, разного телосложения, но все это были дети. Дети.

Кайли и Хина, двоюродная сестра Зу, вышли к нам последними. Один взгляд на Люси, и я сразу вспомнила, как в Ист-Ривере она накладывала нам еду. Я вспомнила запах дыма, сосны, закаты, которые отражались в озерах. Кайли, Хина и Зу – а на самом деле, все дети – смотрели на нас неверящим взглядом.

– Простите, – повинулась Кайли. – Я не поняла, что это вы, иначе я не стала бы стрелять, мы просто... охотники за головами, и солдаты, и все вокруг...

Я услышала, как у меня за спиной прозвучал глубокий вздох.

– Похоже, нам нужно найти еще одну машину, – проговорил Коул. – Не так ли?

Глава пятая

Я настолько заиклилась на своей мечте найти Зу, что ни о чем другом и думать не могла. Как например: если мы все-таки встретимся, что с ней делать потом? И наблюдая, как отреагировал Лиам, увидев девочку, я сразу догадалась, какая мысль все это время крутилась в его голове.

– Я думала, вас приютил ее дядя, – сказала я. – Что случилось? Почему вы оттуда ушли?

– Его там не оказалось. Надо было бы там остаться... но возникла... одна проблема, как только мы туда пришли, – на ходу объясняла Кайли.

Деревья расступились, и мы увидели в темноте леса небольшую поляну. Услышав приближающиеся машины, дети успели затушить костры, но в воздухе по-прежнему стоял запах дыма.

– Какая проблема? – спросил Лиам.

– Очень сложная. Там был один человек, как потом оказалось, хороший. Он... забудь, это неважно. – Кайли трянула темными кудряшками, вытирая руки о свою драную рубашку. – И мы отправились дальше, от одного города к другому. Когда я увидела условные знаки, мы пошли по ним – надеялись, что найдем кого-то еще. Но приходилось несладко.

Я почувствовала, как расширяются мои глаза при виде насквозь промокших, сооруженных из простыней самодельных

палаток, проржавевших консервных банок и ведер, куда дети собирали дождевую воду.

– Вы приехали на машине, верно? – спросил Лиам. – Где вы ее спрятали?

– За сараем позади дома. – Кайли попыталась выжать рубашку.

Вокруг нас зазвучали незнакомые имена – никого из них я в Ист-Ривере не видела. Люси быстро объяснила, что Томми и Пэт ушли из лагеря еще за несколько месяцев до того, как туда попали мы. В их группе были еще трое, но когда им стало слишком тяжело идти, ребята отстали, и с тех пор о них ничего не было слышно. Остальные десять подростков – всем уже лет по пятнадцать – были бродягами, которых девочки подобрали за время своих скитаний.

Худой и долговязый Томми стоял в компании еще троих подростков такой же комплекции. Из-под его вязаной шапки торчали ярко-рыжие пряди. Пэт, почти на голову ниже Томми, двигался и тараторил, излучая такую лихорадочную, кипучую энергию, что за ним невозможно было поспеть.

– Что ж... – протянул Коул, глядя на печальное зрелище этого походного лагеря. – Вы хотя бы попытались.

К нам наконец подошла Люси, ее светлые волосы, заплетенные в косички, разметались по плечам. На девочке была мешковатая толстовка с эмблемой «Форти-Найнерс»⁵, про-

⁵ *Forty-Niners* (англ.) – профессиональная команда по американскому футболу из Сан-Франциско.

дранные на коленях черные лосины.

– Послушайте, а вы-то, ребята, что здесь делаете? Когда вы ушли из Ист-Ривера?

Вот, черт! Конечно, они ничего не знают. И откуда им было знать. Я взглянула на Лиаму, но он смотрел вниз, на вцепившиеся в его руку пальцы Зу.

– Оставим рассказы на потом, – отмахнулся Коул. – Собирайте все, что хотите взять с собой.

– погоди! Ты о чем?! – воскликнул Лиама. – Притормози! Они даже не знают, во что ввязываются.

Коул закатил глаза, повернулся к детям и хлопнул в ладоши.

– Слушайте меня. Мы были частью группы под названием «Детская лига». Потом президент решил, что хочет уничтожить нас, Федеральную Коалицию и весь Лос-Анджелес. Теперь мы направляемся на север, чтобы обосноваться там и придумать новые веселые способы надрать ему задницу. Есть вопросы?

Томми поднял руку.

– Они разрушили Лос-Анджелес? В смысле, буквально?

– Думаю, время метафор прошло, – ответил Коул. – Лос-Анджелес – это гора горящих обломков. Если хотите – отправляйтесь туда, но военные контролируют границы и шоссе, а еще у них в руках и топливо, и еда, какие там еще остались. А значит, ваша жизнь чертовски усложнится, если вы не найдете себе безопасное место.

Думаю, дети были в самом деле слишком потрясены, чтобы плакать. Они обменялись ошарашенными взглядами, явно пытаясь осмыслить услышанное.

«Жизнь впроголодь этому тоже не способствует», – подумала я, глядя на то, как из-под промокшей от дождя рубашки Кайли торчат ее тощие бедра.

– А там, куда мы пойдем, безопасно? – спросил Пэт.

– Скажи им правду, – резко сказал Лиам. – Возможно, это действительно будет безопасное, надежное место, но у нас всегда будут мишени на спине. Ты никогда ни делаешь ничего просто так, по доброте душевной. Так в чем же подвох, а, Коул? Они пойдут с нами и должны будут драться? Они будут отрабатывать еду и постель?

– Ну, если смотреть на вещи реалистично, мы все будем довольствоваться спальным мешком, – бросил Коул, и в его голосе слышалось раздражение, – но никакого подвоха нет. Если они захотят обучаться, мы будем их обучать. Если они захотят драться – кто я такой, черт побери, чтобы их останавливать? Но мне кажется, что эти дети уже многим пожертвовали, чтобы узнать наконец о причинах ОЮИН и «лекарстве» от этого. И *еще* мне кажется, что им самим будет непросто найти другую группу, которая поможет вернуться к родителям.

– Не манипулируй ими, заставляя думать, что это...

– Что? – тихо спросила я, отводя его в сторону. – Единственный способ выжить? Лиам... Я понимаю, что сражать-

ся опасно, но и жизнь, какую они ведут сейчас, тоже опасная, верно? Болеть, голодать и все время находиться в бегах? Им необязательно оставаться на Ранчо. Если они захотят, мы их отпустим, как только придумаем безопасный способ это сделать.

Его лицо исказилось от боли: если Лиам с трудом свыкся с мыслью, что во время операций Лиги меня могли схватить, получится ли у него смириться с такой же судьбой для Зу? Неважно, как сильно Ли хотел бы увидеть освобожденные лагеря, узнать, что лекарство действительно существует. Первое, о чем он думал всегда, это о том, чтобы самые дорогие ему люди были в безопасности.

– Когда все это закончится, – сказала я, и мой взгляд метнулся в сторону Коула, который помогал другим детям, усердно собиравшим свои вещи, – мы сможем отправиться куда захотим. Разве это того не стоит? Единственный способ гарантировать *ее* безопасность – взять Сузуми с собой. Так мы сможем позаботиться о ней.

Нам вообще не следовало ее отпускать.

Парень шумно вздохнул.

– Эй, Зу, как насчет того, чтобы помочь нам устроить небольшую заварушку?

Она подняла на него взгляд, потом посмотрела на меня, насупив брови и сосредоточенно задумавшись. Потом Зу пожала плечами, словно говоря: *Конечно. Все равно больше заняться нечем.*

– Порядок, – выдохнул Лиам, и я почувствовала, как спадает напряжение. Одной рукой парень обнял за плечи меня, а другой – Зу, и мы пошли туда, где ждали нас остальные. Это знакомое ощущение давало твердую почву под ногами – словно я, наконец, снова обрела связь с окружающим миром. – Тогда – порядок.

Когда мы вернулись к машинам, Толстяк и Вайда уже стояли там, прислонившись к нашему грузовику – каждый со своей стороны. Но если Толстяк чуть ли не подпрыгивал на месте, обрушивая на Зу сотни вопросов и не дожидаясь ответов, Вайда молча одарила ее коротким взглядом, скрестила руки на груди и подошла к нам.

– Эй, Ви, это...

Она не остановилась, не дала мне договорить и не стала отвечать на рукопожатие, когда Зу протянула ей руку. Встретив мой взгляд, глаза Вайды сверкнули, и в них читалось обвинение – совершенно безосновательное. Она стиснула зубы, определенно пытаясь сдержать ядовитую ремарку.

– Можем мы уже убратъся с этой проклятой свалки?

И этого оказалось достаточно, чтобы чувство безопасности исчезло. В мои мысли прокралось болезненное беспокойство, разрывающее меня на части. С одной стороны, я должна была догнать Вайдy, но другая часть меня, более громкая, более требовательная, хотела остаться там, где я была сейчас, счастливая, погруженная в ту любовь, которую я испытывала к этим троим рядом со мной. Она переполнила

мое сердце, когда Зу снова обхватила узкую талию Толстяка, а тот как всегда неловко похлопал ее по голове.

Когда Вайда растворилась в темноте, Лиам повернулся, чтобы посмотреть, куда она направилась. Когда он снова обернулся ко мне, я увидела в его лице вопрос – отражение моего собственного удивления.

Но я понятия не имела, почему она злится.

Было уже далеко за полночь, когда мы доехали до Лодая, и луна уже склонялась к горизонту на западе. Урывками я проспала часа четыре, но совершенно не почувствовала себя бодрее. Мы небыстро катили по городским улицам, через горный хребет, что добавило несколько часов к и без того долгому путешествию. Еще один час ушел на поиски дополнительной машины и бензина, чтобы все смогли уехать. В итоге дорога заняла не меньше десяти часов. Казалось, мы попали в какую-то странную реальность, где время одновременно и растягивается, и сжимается: минуты пролетают мгновенно, но их количество бесконечно. Приступы тревоги и страха то накатывали на меня, то отступали, и я поймала себя на том, что возношу отчаянные, безмолвные молитвы о том, чтобы Кейт и остальные ждали нас на Ранчо. В этот день все и так шло слишком хорошо, и было бы глупо рассчитывать, что так будет продолжаться дальше. Я уже привыкла к тому, что жизнь сначала подбрасывала меня к небесам, только чтобы снова швырнуть на землю.

Вопреки моим ожиданиям, Лодай оказался больше похож на сельское поселение, по крайней мере, на подъезде к нему впечатление сложилось именно такое. Мы катились мимо заброшенных полей. Возможно, когда-то это были виноградники, которые оставили увядать и умирать. Рядом в несколько рядов тянулись длинные серебристые склады.

– Туда, – продолжая удерживать руль одной рукой, Коул указал на какую-то точку.

Удивительно, как он смог что-то разглядеть в темноте. Я не видела ничего.

– Они там?

– Скоро узнаем.

К тому времени, как мы въехали на окраину города, небо уже расцвело бледно-розовым. Наши машины ехали по пустым улицам, выстроившись в короткую колонну. Настроение Коула снова резко поменялось, и по мере того, как машина замедляла свой бег, его лицо светлело прямо на глазах. Сначала мы свернули на площадку с подержанными автомобилями, а потом покатали к одному из пустых мест под навесом рядом с грузовиком электрической компании и развалюхой, похожей на фургон дезинсектора.

«Теперь это уже не площадка подержанных машин, – подумала я. – По крайней мере, сейчас».

– Ладно, Конфетка. – Коул глубоко вдохнул и, посмотрев в потолок, что-то тихо пробормотал. – Ты готова?

– А как поступим с ним? – кивнула я на лежащего Клэнси.

– Оставим здесь. Я только что вколол ему еще одну дозу. Вернусь за ним, как только мы убедимся, что там безопасно.

Не могу сказать, что эта идея мне понравилась, но сил спорить все равно не было. Так что я молча кивнула. К тому же парень по-прежнему дышал тихо и ровно, а снаружи его скрюченную фигуру видно не было. Еще я проверила, что руки и ноги Клэнси все так же крепко связаны. Кажется, это была моя последняя связная мысль.

Когда я выбралась из машины, все тело болело от изнеможения, язык распух, а глаза слезились. Лиам сразу же подбежал ко мне, вопросительно кивнув в направлении грузовика. Я только отмахнулась и, когда он обнял меня, откинулась на его руку. Я пыталась пересчитать детей, каждый раз начиная с Зу и Хины, но даже не досчитав до десяти, опять сбивалась, и приходилось начинать снова. Я сосредоточилась на одном – на голосе Толстяка, который забрасывал Вайду вопросами о том, что скрывают размытые формы вокруг него. И это помогало мне сохранять концентрацию. Но все равно потратила много времени, чтобы сообразить, почему это мы стоим на улице, столпившись у дверей какого-то бара с названием «Улыбнись».

Лиам проследил за моим взглядом.

– Она ни слова не сказала Зу, – тихо произнес он. – Я знаю, что милой ее не назовешь, но разве это нормально? И если так будет продолжаться и дальше, я точно вмешаюсь.

Я снова посмотрела на Вайду.

– Ей нужно время, чтобы привыкнуть. Я с ней поговорю.

Коул заглянул в одно из окон, не обращая внимание на то, что знак «открыто» не горел. Шумно выдохнув, он попробовал открыть дверь. Заперто.

– Это бар? – прошептал Толстяк у меня за спиной. – Нам же нельзя входить? Туда же пускают после двадцати одного.

– О, Бабуля, – вздохнула Вайда. – У меня даже слов нет.

Я заглянула в ближайшее окно и увидела светлую, отполированную древесину, пустые полки за барной стойкой и красный кожаменитель повсюду. Старые постеры, рекламирующие гастрольные туры известных рок-групп, чередовались с фотографиями девушек в бикини, опиравшихся на спортивные машины.

– Нам придется вламываться внутрь? – спросила я у Коула.

– Не-а. Я просто проверяю, используется ли это заведение в качестве прикрытия. Вход на Ранчо находится за баром.

На секунду я растерялась, подумав, что он имел в виду «за барной стойкой». Но вместо этого Коул махнул в сторону короткого переулка между пабом и пустым магазином. Мы потянулись за ним следом, перешагивая через мусорные кучи и обходя сложенные друг на друга пустые ящики, пока не дошли до запасного выхода. Коул ввел шесть цифр на электронной кодовой панели. Устройство мигнуло, пискнуло, и дверь распахнулась. За ней обнаружилась комната, на вид обычная подсобка, вдоль стен тянулись полупустые полки.

– Убежище глубоко внизу, – не оборачиваясь, бросил Коул. – Кто-то боится высоты? Темноты? Нет, конечно, нет. Ребята, вы – супер. Просто будьте осторожны, ладно?

Глубоко внизу. Господи, еще один подземный тоннель? Держу пари, что он длинный. Рядом с баром никаких строений больше не наблюдалось, и, значит, до основной базы было еще очень далеко. Вход в штаб-квартиру в Лос-Анджелесе был устроен похожим образом. Точкой входа был паркинг, в котором нужно было спуститься на лифте к проходу, который мы называли Трубой. Этот тоннель был адски отвратительным – канализация воняла, а стены были скользкими от грязи. Уверена, дорога в преисподнюю выглядит точно так же.

Для того, чтобы добраться до люка, который вел в тоннель к Ранчо, нам всем пришлось набиться в маленькую спальню в задней части бара, поднять кровать и отодвинуть ковер, который прикрывал люк. Когда Коул рывком открыл дверцу, наружу вырвался порыв холодного, застоявшегося воздуха.

– *Круто*, – сказали Томми и Пэт, наклонившись, чтобы заглянуть вниз, в слабо освещенное помещение. Посмотрев на Люси, Кайли состроила гримасу, но начала спускаться третьей, следом за Коулом. Большинство измученных подростков послушно ныряли в полумрак, сейчас им было не до вопросов. С младшими оказалось сложнее. Зу и Хина воплощали собой полное изнеможение. Они стояли покачиваясь, будто хлопнули в том баре пару стаканов и не могли скон-

центрировать взгляд на Лиаме, даже когда он помогал им перебраться через крышку люка и встать на ступеньки. Потом мы с ним помогли Вайде спустить вниз полуслеплого, невероятно сердитого Толстяка. И вот настала и очередь Лиамы.

Я знала, что это неразумно, поддаться страху, который замаячил у меня за спиной и приставил нож к горлу. Я знала, что сейчас опасности нет, что дети уже спустились вниз и с ними было все в порядке, что мне надо пошевеливаться, если я вообще хочу когда-нибудь добраться до Ранчо. Я все это знала. Но все равно не могла сдвинуться с места.

Заметив мое выражение лица, Лиам изобразил ободряющую улыбку. Несмотря на то, что между нами висело столько недосказанностей, он по-прежнему мог прочесть каждый мой страх. Парень провел ладонью по моим волосам, потом прижал ее, теплую, к моей щеке и поцеловал меня в висок.

– Другой тоннель, другое направление, другой финал, – пообещал он. – Договорились?

Я сглотнула и заставила себя кивнуть, а потом ступила на лестницу. В тот момент, когда его светлые волосы исчезли из вида, я почувствовала, как мой желудок сжался, а кожа пошла мурашками. *Другой финал.* Я крутила в голове эти слова. *Финал.*

Это было только начало.

Я выпрямилась, поправила собранные в хвост волосы и сделала первый шаг. Второй. Третий. Я старалась не думать о том, что тьма словно образует колодец, поглощая меня. Как

раз в тот момент, когда я решила, что придется спускаться целую вечность, я наконец-то почувствовала под ногами твердую землю.

Наверху еще было утро, но здесь все казалось каким-то странным, почти нереальным. Тоннель подсвечивался рождественскими гирляндами. Некоторые из них мигали, какие-то явно перегорели, но мы видели, куда шли. Пол был сделан из сверхпрочного бетона. От низкого потолка и узких стен отражался каждый возглас, так что шепоты и вздохи снова возвращались к нам из темноты, будто призраки. Я делала один неровный вдох за другим, чувствуя, как кровь отбивала настоящий басовый ритм у меня в голове. Штаб в Лос-Анджелесе несомненно строили по образцу этого. Только, если верить Коулу, этот был меньше, и его часть находилась над землей. Все равно сходство было достаточно сильное, чтобы сейчас по моей спине пробегала дрожь.

Мое сознание играло в кошки-мышки со всем, что я видела и слышала вокруг, а еще я видела словно сквозь мутные очки. Из-за этого начинало казаться, словно я погрузилась в чьи-то воспоминания. Запах пота и мокрой одежды. Вайда стонет от боли. Бледный Толстяк безнадежно уставился в темноту. Лиам несет Зу, которая отключилась, устроившись у него на спине и обхватив его руками за шею. Мы шли уже так долго, что временами я забывала, куда мы направляемся.

Далеко впереди Коул, который уже поднимался по очередной лестнице, врезался во что-то металлическое – большой

ржавый квадрат, видимо, дверь. Со стороны тоннеля на ней не было ручек. Нужно было, чтобы нас впустили изнутри.

– А что, если там никого нет? – донесся до меня вопрос Толстяка. Собрав все душевные силы, я попыталась сделать вид, что вообще его не слышала.

Еще минуту Коул колотил по двери кулаком, а когда остальные дети столпились у него за спиной, то начали колотить по ней вместе с ним.

«Никого нет, – подумала я. – Они не добрались сюда».

Мне не хватало воздуха – стены так тесно обступили меня со всех сторон, дети у меня за спиной заслоняли путь обратно. Я почувствовала, как Лиам обнял меня за плечи, но от тяжести его руки моя грудь сжалась еще сильнее. У меня подкашивались ноги, я уже покачнулась, но тут послышался громкий вопль, и тоннель залил поток света.

Кейт?

Я прищурилась, пытаюсь разобрать, чей силуэт возник за дверью, когда Коул выкрикнул:

– Привет, Долли!

– О *боже!* – еле слышно воскликнула какая-то девочка – в ее голосе слышался слабый акцент, может, она из Нью-Йорка? Нью-Джерси. – Скорее, заходите... *боже!* Мы думали... мы уже начали думать, что нам придется выйти наружу и искать вас.

Лиам провел нас вперед, по лестнице, к свету. Я не осознавала, как замерзла, пока меня не окатила волна тепла. Я

зашла внутрь, моргая от яркого света флуоресцентных ламп над головой.

Долли тяжело вздохнула и двинулась мимо столпившихся детей, пока не дошла до нас с Лиамом. Она переводила взгляд с него на Коула и обратно.

– О боже, и второй Стюарт здесь? И как это мир устоял?

– Просто дурацкая удача, – хмыкнул Коул. – Все уже здесь?

Долли замешкалась с ответом.

– Ну... не вполне.

– Кейт? – вырвалось у Вайды, которая произнесла это слово с нескрываемой надеждой.

– Коннер как раз в порядке. Она безумно беспокоилась о всех вас.

Бросив взгляд на мое лицо, Лиам еще крепче меня обнял. На его лице отразилось такое искреннее беспокойство обо мне, что я прислонилась к парню, и мои губы сами собой растянулись в улыбке. Вот только первое чувство, которое пришло на смену страху, не было восторгом или облегчением. Это пришло потом. Но сначала меня пронзило внезапной, острой болью, разрывавшей сердце. *Она не знает.* Кейт выжила, добралась сюда, хотя шансов на это практически не было, и она ждала. Ей наверняка уже сообщили о том, что мы дошли. Но Долли ничего не знала про Джуда. Теперь главное не броситься Кейт на шею, чтобы выплакаться и все ей рассказать. *Она ничего не знает.*

А теперь узнает.

– Что ты имеешь в виду под «не вполне»? – прищурился Коул, осматриваясь по сторонам. – Десять человек добрались сюда, чтобы расконсервировать это место, верно? И Коннер привела сюда дюжину...

Долли неловко переступила с ноги на ногу, и ее кроссовки скрипнули. От необходимости отвечать ее избавил топот босых ног, шлепающих по плиткам. Мое сердце подпрыгнуло к самому горлу, когда из-за угла зала на полной скорости вылетела светловолосая голова – Кейт.

Вайда бросилась к ней, проталкиваясь сквозь толпу детей, которые отделяли их друг от друга, едва не сбив их обеих с ног.

– Мне так жаль, так жаль, – повторяла Кейт, – мы оказались за пределами зоны атаки, у самой ее границы, и не могли пробраться обратно через баррикады, которые там соорудили...

Кейт посмотрела через плечо Вайды туда, где стояла я, мы встретились взглядами, и на ее лице появилась улыбка облегчения. *О боже, о боже, она не знает...* Я не могла заставить себя заговорить, не могла пошевелиться. Жар разлился по моей коже, из каждой поры каплями пота сочились вина, стыд, гнев и печаль. А потом женщина посмотрела не на меня и не на Вайду, а на пустое место рядом со мной. Она осмотрела весь зал, переводя взгляд с одного ребенка на другого, все крепче прижимая Вайду к себе. Она искала его.

В конце концов, мне и не пришлось ничего говорить. Должно быть, она все поняла в ту же секунду, когда увидела мое лицо.

Лиам нащупал мою руку и крепко сжал пальцы, притягивая ближе к себе. Я уткнулась лицом в его надежное плечо, слушая биение его сердца у самого уха, пытаюсь перевести дыхание и остановить слезы, которые катились из глаз.

– А как насчет... – Долли положила руку на плечо Томи. – А как насчет того, чтобы я показала вам, где вы можете помыться и поспать? Все комнаты открыты. Просто выберите ту, что вам понравится. С простынями и одеялами мы разберемся завтра, простите.

– Что случилось с постельным бельем? – понизив голос, спросил Коул.

– Его забрали. – Долли, дернув плечом, посмотрела на Коула и показала ему глазами на детей. Кивнув, Коул перестал задавать вопросы.

Девочка проводила нас в еще один светлый белый зал. Это было большое, размером со школьный спортзал, помещение, просторное и заполненное спальными мешками и матрасами. В воздухе стоял острый запах хлорки. Под ярким светом ламп кожа выглядела еще бледнее, и на ней еще сильнее проступили пыль и грязь. На стены скотчем были приклеены фотографии, которые взметнулись вверх, когда в зал ввалилась целая толпа.

«Отдохнуть, – подумала я. – Наконец-то я смогу оста-

новиться».

– Эй, Конфетка, – позвал меня Коул. – Не хочешь пойти с нами, ненадолго? Я хочу известить Кейт обо всем, чтобы у нее была полная картина.

Лиам еще крепче сжал мою руку, и я почти сказала «нет» – я не думала, что смогу справиться с разговором с Кейт, пока не отдохну. Но мы с ним вместе были там. И я хотела знать, где сейчас остальные агенты.

– Я вернусь через секунду, – пообещала я Лиаму. – Выбери для нас хорошую комнату.

– Ну ладно... – неуверенно начал он, но все-таки спустился по лестнице вместе с остальными, всего раз оглянувшись на меня через плечо.

Коул махнул мне рукой, приглашая проследовать за ним в комнату, расположенную слева, сразу после выхода из тоннеля, но я задержалась еще секунду, стараясь получше рассмотреть все вокруг. И увиденное меня не слишком впечатлило.

Штаб в Лос-Анджелесе всегда казался мне запущенным и обветшалым – будто кто-то вырыл глубокую яму, залил туда немного бетона, замостил какой попало плиткой, расставил разномастные столы и парты. Провода и канализационные трубы тянулись прямо у нас над головой, и с горячей водой всегда были перебои. Но Ранчо выглядело так, будто его давно забросили. Хотя агенты пробыли здесь как минимум неделю, от пола вздымались облака серой пыли и грязи.

Дверные ручки были сломаны и болтались на соплях. Краска осыпалась со стен, лампочки либо перегорели, либо вообще отсутствовали, поэтому отдельные участки коридора оставались в темноте. Потолочные плитки рассыпались в пыль, куски, что попадали на пол, просто отпихнули в угол. Казалось, всем было все равно, и когда я это осознала, во мне всколыхнулась волна тревоги. Так обращаются с местом, где не планируют оставаться. Которым не планируют обладать.

– *Чушь! Это абсолютная хренова чушь!* – донесся до меня голос Вайды, когда я уже входила в комнату. Зайдя внутрь и захлопывая за собой дверь, я чуть не врезалась в стену, заставленную архивными шкафами. На другой висели нескольких карт США в рамках. В крохотном помещении едва поместились письменный стол и три стула.

«Должно быть, это был кабинет Албана, – подумала я, – когда Лига еще базировалась здесь». Это помещение не было так забито всяким хламом, как его кабинет в Штабе, но некоторые предметы, в том числе помятый американский флаг, висевший на стене, явно принадлежали ему.

– Как только мы выбрались из Лос-Анджелеса, Сэн связалась с Ранчо и сообщила, что они направляются в Канзас, – объяснил мне Коул, который сидел рядом с Кейт, облокотившись на письменный стол. Кейт смотрела вниз, напряженно скрестив руки на груди, напряженно о чем-то размышляя. Вайда в столь стесненном пространстве умудрялась ходить взад-вперед, уперев руки в бока.

– И потом все они ушли, – закончила я. *Проклятье*. Коул был уверен, что агенты, которые успели покинуть Штаб, чтобы найти для нас транспорт, были, по меньшей мере, достаточно верны Кейт, чтобы у них возникло желание остаться и помочь нам.

– И забрали с собой практически все, что не было прибито, включая большую часть еды, – сказал Коул. Я была поражена тем, насколько спокойным он выглядел. – Кейт и Долли собирались отправиться нас искать. Похоже, ты действительно всех убедила, что мы направляемся в Канзас. Нам придется обустривать это место заново, но с этим мы сможем справиться.

Кейт вскинула голову.

– Что ты имеешь в виду, «убедила»?

– Ты *сама понимаешь*, – проговорила Вайда обжигающе едким тоном. – Так это ты отослала их прочь?

Я подняла руки, борясь с желанием прижаться спиной к двери и убраться как можно дальше от этих яростных взглядов.

– Да, я это сделала. Я заставила их отправиться прямо в Канзас, чтобы мы могли отвязаться от них, когда пересечем границу штата. Но мне следовало бы позаботиться и о том, чтобы они не связались со здешними агентами до того, как мы сюда доберемся.

– Какого *черта*? – яростно прошипела Вайда.

– Поддерживаю, – сказала Кейт, одарив Коула холодным

взглядом. – Объясни поподробнее, чего ты надеялся этим добиться.

– Ну, к примеру, попытаться спасти жизнь всех этих детей? – возразил в ответ Коул, сложив руки на коленях. – Вы хотите знать, что планировала ваша подружка Сэн? Они собирались разделить детей по разным машинам, отвезти их достаточно далеко от Лос-Анджелеса, чтобы те успокоились, а потом сдать их и получить вознаграждение.

Кейт побледнела еще сильнее, если это вообще было возможно. Вайда наконец перестала ходить взад-вперед.

– Ты не можешь знать наверняка... – начала Кейт.

– Я видела это в ее сознании, – перебила ее я, позволив тому яду, который скопился у меня внутри, пропитать и мои слова тоже. – Она спланировала все детали. Деньги были нужны им, чтобы купить оружие и взрывчатку на черном рынке. Они хотели нанести удар по Вашингтону. Так что им было совершенно невыгодно помогать нам с освобождением лагерей.

– Наш план сработал в точности так, как мы и рассчитывали, – добавил Коул. – По большей части. Да не бесись так, Коннер. Никто не пострадал. Разошлись без потерь. И то, что другие агенты тоже ушли, еще одно подтверждение тому, что наши предчувствия на этот счет были верны. Никто не хочет помогать детям. По крайней мере, мы сумели добраться до Ранчо. И мы сбили их с толку, так что они не знают, каковы наши планы. Если их задержат или они наткнутся на

приятелей президента Грея, они выдадут лишь ложные сведения о нас. А это место – отличная база для *нас*, а не для них. Здесь тихо, у нас есть электричество и вода, а теперь и места для работы хватает.

– Ага, и посмотри-ка, чего у нас нет! – Кейт наконец-то взорвалась. Ее бледное лицо залила краска, и она едва сдерживала гнев, который клокотал в ней. – Ты отослал прочь обученных профессионалов – тех, кто мог бы организовать столь нужные тебе налеты на лагеря, тех, кто смог бы защитить всех этих детей! Нам нужно было потратить какое-то время, чтобы привлечь их на нашу сторону! А не манипулировать ими, чтобы заставить думать, будто уйти прочь – их собственная идея. И вообще, как ты *смеешь* принимать такие решения, даже не посоветовавшись со мной? Я не могу... – Она покачала головой и так свирепо посмотрела в мою сторону, что мне пришлось отвести взгляд. – Руби, *что происходит?*

– Остынь, Коннер. – Теперь в голосе Коула слышалось напряжение. – Мой план – обучить детей сражаться. Вооружить их.

– Вооружить себя, – резко поправила его Кейт. И если бы Вайды не было в комнате, даже не знаю, что Коул мог бы сказать или сделать в ответ на это. Он сжал кулак, прижав его к себе. – Я понимаю, Коул... – снова заговорила женщина. – Понимаю. Но это было неправильно. Они забрали серверы. У меня остался *один* ноутбук и только потому, что я забрала

его к себе, чтобы поработать, и спрятала, когда агенты заговорили об уходе. Они заблокируют нам доступ к системе, и что мы тогда будем делать? Ты сжег этот мост, не оставив нам шанса на возвращение.

Лига потратила без малого лет десять, выстраивая информационную сеть, хранившую данные обо всем: местонахождение бывших политиков, доступ к базам данных об охотниках за головами и СПП, планы зданий, местоположение секретных тюрем. Я рассчитывала, что мы воспользуемся ею, чтобы организовывать атаки на лагеря. По меньшей мере, нам понадобятся немногие имеющиеся спутниковые фотографии этих мест.

– Зеленые смогут взломать сеть Лиги, это даже не вопрос, – бросил Коул. – Ведь именно они ее и создавали. И я принял меры, чтобы убедиться, что мы сможем скопировать все исследования лекарства. У меня только один вопрос: где флешка с данными, которые я украл в корпорации «Леда»? С материалами о том, что вызвало ОЮИН?

Кейт отвела взгляд, стиснув зубы. Она с трудом сглотнула, а потом достаточно долго молчала, и я поняла, что дела обстоят еще хуже.

– В мусорном ведре. Мы были слишком близко к городу, когда сработал электромагнитный импульс. И он ее полностью стер... Прости, я хотела бы... – Она покачала головой и умолкла.

Услышав это, я тяжело шлепнулась на один из стульев.

Мне все больше казалось, словно я иду по длинному тоннелю, проталкиваясь сквозь толпу, которая рвется мне навстречу. И почти пропустила саркастичное восклицание Коула:

– О, *чудесно*.

И не заметила, что Кейт встала и уже идет к двери.

– Куда ты собралась? – спросил Коул. – Дай детям еще немного поспать.

– Я иду не к детям, – холодно сказала она. – Я собираюсь догнать других агентов, чтобы исправить то, во что ты нас впутал. Убедить их вернуться, чтобы мы смогли работать вместе.

Ее ледяной голос пробрал меня до костей. Я никогда не видела ее такой, или, по крайней мере, я никогда не ощущала, как на меня надвигается вся сила ее гнева. Но я разозлилась не меньше – я была просто в ярости. Она бросила нас, ее не было рядом, когда она была мне нужна, и я делала все, что могла, чтобы остальные выжили.

– Ты хочешь, чтобы они вернулись? – спросила я. – Кто? Те, кто одним щелчком списали тебя со счетов, чтобы поиграть в террористов, или те, кто хотели продать нас СПП?

Кейт не могла даже смотреть на меня.

– Я уверена, что произошло какое-то недопонимание...

– Ты права, – кивнула я. – Я не понимала, насколько упорно ты будешь отрицать, кем являются эти агенты на самом деле...

– Руби! – рывкнула Вайда. – Заткн...

– Не знаю, сколько еще доказательств я должна тебе предоставить, но этим агентам всегда было наплевать на Лигу, к которой ты присоединилась, на тех, кто по-настоящему беспокоится о детях, все еще запертых в лагерях, умирающих каждый день от болезни, которую мы вот-вот научимся лечить. Нам не нужны эти агенты! Нам не нужно, чтобы они бросали тень на то, что мы пытаемся делать здесь! *Проснись!*

– Не в моих правилах посылать детей наружу, чтобы они стали пушечным мясом, – проговорила Кейт.

– Раньше у тебя с этим не было проблем, – горько сказала я.

– Ты была под присмотром обученных агентов, которые руководили оперативными группами...

– Верно. Ты сейчас про тех агентов, которые потом обратились против нас и стали убирать детей, одного за другим? Как насчет Роба? Того, который попытался убить меня и Вайду, подстроив «несчастный случай». Ты вообще в курсе, что он выслеживал нас? Он *охотился* на нас! Он заткнул мне рот кляпом!

Вайда застыла на месте, ее лицо стало пепельным. Стремление всегда и во всем защищать Кейт явно боролось с той Вайдой, которая знала правду. Коул протянул руку, чтобы положить ее мне на плечо, но я отодвинулась, ожидая, что Кейт посмотрит на меня. Ожидая ответа.

– Мы с Долли отправимся завтра, как можно раньше, –

тихо сказала она. — Агенты ушли лишь несколько часов назад. Мы еще можем догнать их.

Я почувствовала себя так, будто она дала мне пощечину.

— Ладно. Тогда иди.

— Удачи, — добавил Коул, но в его голосе слышалась лишь тень насмешки.

Ее потухший взгляд скользнул по мне в последний раз, и женщина вышла из комнаты, резко распахнув дверь, которая с грохотом за ней захлопнулась. Вайда тут же бросилась за ней: я видела, как они прошли мимо стеклянных стен серверной и наконец исчезли из виду. Я не хотела, чтобы мы так расстались, и потому направилась вслед за ними.

Коул поймал меня за руку и потянул назад.

— Дай им остыть. Они просто расстроены, но это было неизбежно.

— Правда? — Вопрос вырвался наружу, прежде чем я успела остановиться, и сомнения прорвались на волю через мое израненное сердце.

Со стороны двери, ведущей в тоннель, послышался еще один громкий вскрик — этот звук заставил меня подскочить, и мы оба бросились в коридор. Я была так уверена, что увижу, как Кейт несется вниз во тьму, готовая реализовать свое намерение уйти, что грязные, усталые лица восьми детей, действовали на меня как удар в грудь. Они стояли там, на смерть перепуганные. В самом конце плелась сенатор Круз, отталкивая руки, протянутые помочь ей преодолеть несколь-

ко последних ступенек. Она осмотрелась по сторонам, избегая оценивающего взгляда Долли, которая возникла слева от меня.

– Добрались за рекордное время! – воскликнул Коул, по очереди хлопая по спине каждого, получая в ответ улыбки и радостные объятия. – Столкнулись с какими-то проблемами?

– Нет, твои инструкции насчет того, как спуститься на базу из паба, нас немного озадачили, но, увидев это заведение, мы сразу поняли, что к чему.

Зак, высокий загорелый парень, который в Лиге был лидером одной из групп Синих, как всегда лучился уверенностью. Он расчесал пятерней свои темные волосы и осмотрелся по сторонам.

Но если Зак смог расслабиться, то Нико представлял собой совсем иную картину. Он выглядел жалким и перепуганным, а его всклокоченные черные волосы торчали во все стороны, как будто он последние несколько дней только и делал, что растерянно ерошил их рукой. Нико обхватил себя руками и глубоко дышал. По крайней мере, пока не увидел Кейт. Она пробилась к нему, распахивая остальных, но вместо того, чтобы броситься к ней, как это сделала Вайда, Нико выпрямился, закрыл лицо руками и начал всхлипывать.

Звуки, которые он издавал, сложно было определить как-то иначе. Всхлипы начали заглушать восторженную болтовню, оборвали все расспросы, поглотили смех, который сме-

нился на шепот. У меня внутри все сжалось, но я отвернулась и позволила серому шуму помех поглотить и мой слух. Никто больше не подошел к нему. Только сенатор Круз, выражение лица которой ясно продемонстрировало, что она думает о нас сейчас. Она обняла его даже раньше, чем Кейт.

Я спросила у Долли, где находятся душевые и спальни. Я была рада, что у меня есть повод убраться подальше от рыдающего Нико, разочарованной Кейт, от тех, кто беспечно восторгался местом, разоренным до такой степени, что здесь было почти невозможно жить.

Судя по тому, что я успела увидеть, Ранчо размещалось на двух уровнях, по два параллельно идущих коридора на каждом. С обоих концов коридоры заканчивались небольшими холлами и соединялись двойными дверями. Вдоль стен тянулись закрытые двери. В том холле, который выходил на лестничную клетку, размещалось несколько тесных спален, кухня и прачечная. Одна дверь была открыта. Я заглянула внутрь и увидела четыре двухъярусных кровати.

Из соседней комнаты раздавались приглушенные голоса. Я узнала голос Толстяка, который громко воскликнул: «Что?». Подойдя ближе, я уже взялась за дверную ручку, удивляясь, зачем они вообще закрылись.

– ...она что, не могла просто сказать нам? – разглагольствовала Вайда. – Ни-хрена-не-верю. Если наши жизни были в опасности, она не должна была скрытничать с Коулом. Мы должны были стать первыми, кому она расскажет!

Я прислонилась к двери, прижавшись к ней лбом, и продолжила слушать.

— Они с Коулом уже некоторое время ведут себя как друзья-приятели, — проговорил Толстяк. — Я не удивлен, что они провернули что-то в таком духе.

— В этом нет никакого смысла... — Лиам заговорил тише, и я уже ничего не могла разобрать, Впрочем, все равно я уже отшатнулась от двери. Кровь шумела у меня в ушах из-за того, каким возмущением были пронизаны их голоса.

Я спустилась в коридор, к кладовке с бельем, которую упомянула Долли. Все полотенца уже разобрали, но в мешке с одеждой, который забыли агенты, когда обчищали это помещение, нашлась мягкая, большая рубашка. Я вытащила ее и отправилась в душевую, благодаря судьбу за то, что мне не нужно будет снова надевать ту же грязную одежду.

Когда я вошла в одну из душевых кабинок, разделась и встала под душ, не дожидаясь, пока вода успеет согреться, все, что происходило с нами до этого, показалось мне плохим сном. Вода вырвалась из заржавевшей лейки и ударилась о мою кожу холодным потоком, который сразу подействовал на меня успокаивающе и пригасил пульсацию в висках. В каждой кабинке были установлены дозаторы мыла и шампуня — большие контейнеры промышленного размера, которые уже были полупустыми. Я позволила себе ссутулиться и просто смотрела вниз, туда, куда утекала вода, закручиваясь у меня под ногами. Я сделала вдох. Пятна грязи в районе ре-

бер, которые мне никак не удавалось отмыть, оказались синяками. Я вдохнула. И выдохнула.

Я просто дышала.

Глава шестая

Не знаю, спала ли я на самом деле, то погружаясь в бессознательное состояние, то снова выныривая из него. Я лежала на спине, сложив руки на груди, и слушала, как пробуждается Ранчо. В коридоре раздавались голоса: дети перекрикивались друг с другом, спрашивали о вещах, которые положили в стирку, жаловались на нехватку горячей воды в душе, смеялись. Я только закрыла глаза снова, как меня позвала Вайда.

«Вставай, – приказала я себе. – Ты должна с этим справиться».

Я свесила ноги с кровати, потерла лицо и попыталась пригладить волосы, снова собрав их в хвост. Когда я вышла из комнаты, Вайда уже дошла до конца коридора и повернула обратно.

– В чем дело? – спросила я.

– А? Наконец-то проснулась наша детка, спящая красавица! – выпалила она. – Они ждали тебя – они ждали тебя целый час, а ты так и не появилась! Что? Ты, блин, слишком хороша, чтобы хотя бы с ними попрощаться?

Словно что-то холодное свернулось у меня в животе.

– Кейт и Долли уже ушли?

За последние несколько месяцев случилось столько всего, что было даже странно, как сильно это задело меня. Не задержались, чтобы попрощаться, не остались, чтобы дать нам

объясниться. Вместо этого Кейт была готова умолять агентов вернуться назад, рискуя разрушить все, чего мы добились, убедив их уйти. Она собиралась все испортить, думая, что делает это ради нас.

– Уже почти три часа дня, – сообщила Вайда.

Я недоверчиво уставилась на нее. Тогда выражение ее лица все-таки стало чуть менее ледяным. Девушка покачала головой, что-то буркнув себе под нос – а я сделала вид, что этого не услышала.

– Ты проспала все это время? Похоже, тебе досталось сильнее, чем я думала.

– Слушай, – начала я, – насчет того, что случилось раньше...

Вайда подняла руку.

– Я поняла. У меня есть только один вопрос: почему ты мне ничего не сказала о плане Сэн? Считала, что я пырну эту суку прямо в почку?

– Возможно, отчасти и поэтому, – признала я.

– Тогда ты знаешь меня не так хорошо, как думаешь, – усмехнулась девушка. – Потому что я бы дотянулась прямо до сердца. Но... в общем, ты права.

– Где все? – спросила я.

– Бабуля где-то лежит и дуется, – ответила Вайда, – Бойскаут докапывается до всех на кухне.

– Что? Почему? – Вайда пожала плечами, и тогда я спросила: – А Зу?

В одно мгновение ее лицо исказилось снова. Когда она заговорила, ее острый как бритва тон мог бы содрать с меня кожу.

– Я что, похожа на человека, который имеет, блин, хоть какое-то понятие, где она?

– Вайда, – начала я, – серьезно...

Что бы это ни было, она не хотела это обсуждать и направилась к лестнице.

– Нам нужно об этом поговорить, – настаивала я, догоняя Вайду. Но она оглянулась и посмотрела на меня так, что я остановилась. Так смотрит тот, кто хочет, чтобы его оставили в покое.

– Кстати, если ты решишь, что тебе есть до этого хоть какое-то чертово дело, – вдруг проронила Вайда. – Когда Кейт спускалась вниз по тоннелю, она мне кое-что сказала: передай Руби, что, играя с огнем, только обожжешься. Это тебе о чем-то говорит?

– Нет, – помолчав, ответила я. – Понятия не имею, о чем это она.

Вайда была отчасти права. Лиам *был* в кухне, хотя на самом деле он забрался в кладовку за плитами и раковинами в дальнем темном углу. Парень оставил дверь широко открытой – маленький фонарик, который он держал в зубах, света давал мало, – и царапал что-то в небольшом блокноте на пружинке. Я протянула руку и щелкнула выключателем, го-

товая пошутить о том, как это Лиам его не заметил, но... ничего не произошло. На всякий случай, я сделала еще пару попыток.

Лиам вынул фонарик изо рта и улыбнулся. И этого было достаточно, чтобы прошедшие несколько часов начали таять на глазах, превратившись в мутную лужу, через которую я просто переступила.

– Знаешь ли ты, что у нас не хватает тридцати шести лампочек? И зачем им вообще понадобилось забирать и лампочки? – недоумевал Лиам.

– Тридцать шесть – это очень точное число. – Я попыталась улыбнуться ему в ответ. – Это твое лучшее предположение?

Он смутился.

– Нет, я посчитал. Я уже осмотрел все Ранчо с Кайли и Зу. Еще нам не помешали бы пять новых дверных замков, литров десять жидкости для стирки, и пару дюжин полотенец. А это... – Лиам обвел рукой полупустые полки перед собой. – Это наводит тоску. Где они вообще нашли столько консервированной свеклы. И что с ней можно сделать?

– Ну, бывает жареная свекла, свекольный суп, маринованная свекла...

– Уф. – Лиам зажал уши и передернулся от отвращения. – Я бы лучше попытал счастья с тушеными помидорами.

– Все действительно настолько плохо? – спросила я, тоже протискиваясь в кладовку.

Нечего было и спрашивать – все и так было видно. На самом деле, ситуация была довольно хреновая. Нам остались консервированные овощи и бесполезный фастфуд в виде соленых крендельков и чипсов. А еще несколько батонов, да пара кусочков торта в холодильнике.

Я откинулась на Лиам, который все еще шарил по полкам, надеясь найти макароны, банки с супом или овсянку, и закрыла глаза. Его теплая грудь касалась моей спины, и мне нравилось, что я могу ощутить то, как он произносит каждое слово – словно всем телом. Лиам наклонился ко мне и нежно потянул за волосы.

– Нагнал на тебя тоску, да?

– Нет, прости, я слушаю, – ответила я. – Ты что-то сказал о Люси?

– Ага. Она же отвечала за продовольствие в Ист-Ривере. Была в этой группе. Так что, она нам поможет с распределением и посоветует, на что нацелиться в первую очередь.

Верно. Нужно организовать группу, которая будет совершать вылазки за провизией. Только согласится ли на это Коул? Нас и так здесь было слишком мало, разве что ситуация станет абсолютно безнадежной. И он точно никогда не позволит выпустить наружу нас с Лиамом.

– Ты устала, – вздохнул парень, погладив мое лицо подушечкой большого пальца. – Куда ты вчера исчезла? Я попробовал тебя дождаться, но, как только лег, вырубился в ту же секунду.

– Я приняла душ, но сил искать нашу комнату не было совсем, – ответила я.

Как я могла признаться, что даже не собиралась в нее возвращаться? Я не хотела отвечать ни на какие вопросы – не сейчас, когда мне нечего было им сказать, а на сердце лежал камень. После тяжелого разговора с Кейт сражаться дальше я была не в состоянии.

– Уснула на первой попавшейся свободной кровати.

Лиам взял маленькую жестянку с фруктами и открыл прежде, чем я успела отказаться. Он продолжил тщательно пересчитывать продукты на полках, а я опрокинула содержимое баночки себе в рот. По лицу Лиамы я видела, что он мысленно проигрывает возможные варианты разговора, все вопросы, которые он хочет мне задать, и с каждой секундой, которую мы проводили в молчании, мне становилось все тревожнее.

– Не хочу тебя об этом спрашивать, но... ты же собиралась нам рассказать и об агентах, и о том, что ты сделала, верно? И когда бы выяснилось, что сюда добрались только дети, ты объяснила бы нам, что происходит?

– Слушай, я должна была все рассказать, как только мы выбрались из города, – пробормотала я. – Это просто... вылетело у меня из головы. Столько всего случилось потом.

– Ты могла рассказать нам еще на складе, – мягко возразил он.

– Нужно было сделать все быстро, – призналась я. – И ес-

ли бы кто-то дал хоть малейший повод заподозрить, что знает об их планах, агенты могли догадаться, что я попытаюсь вмешаться. Нам нужно было всех запутать.

– Тебе и Коулу.

– Он знает агентов лучше, чем кто-либо из нас. Мне нужны были его подсказки, чтобы внушение для каждого агента получилось реалистичным.

И если бы я все рассказала тебе, ты бы попытался заставить нас уйти.

Иногда – на самом деле, почти всегда – мне было сложно представить, что когда-то, до того, как наши пути сошлись, у каждого из нас была своя жизнь. Теперь они были настолько тесно переплетены, что я ощутила порыв рассказать Лиаму все, услышать, что он обо всем этом думает, чтобы проверить, совпадают ли его мысли с моими. Я уже не была честна с ним раньше: скрывала, что я есть, что сделала со своими родителями... но почему-то... не то чтобы теперь все стало хуже. Но это постоянное ощущение, что все складывается не так, как раньше, не давало мне покоя. Мое вмешательство разрушило естественность того, что должно было происходить само собой. Я прикусила губу, глядя, как Лиам нахмурил лоб – так же, как делал это Коул, когда задумывался.

– Вот почему ты тогда запаниковала, да? Ты только что узнала об этом... – Лиам потер лоб. – Проклятье. И каков теперь план?

– Мы хотели обсудить все планы за ужином – как освобо-

дить несколько лагерей.

– Если это все, что у нас есть, вряд ли это будет ужин... – начал он. – Но я что-нибудь придумаю. Все будет в порядке.

Лиам обхватил меня рукой за плечи и притянул к себе. Я уткнулась ему в грудь и прерывисто выдохнула, крепко обхватив его за пояс.

Это было правильно. Находиться так близко к нему – вот это было *правильно*. Здесь, в темноте, мое сердце сбивалось с ритма просто от того, что он был рядом, а все остальное казалось далеким. Он целовал мои волосы, щеки, и я подумала: «*Я не могу это потерять, я не могу потерять и это тоже*». Я не могу сказать ему все. Не могу, если хочу, чтобы то, что мы пытаемся сделать, принесло ему радость. Не могу, если хочу его защитить. Но мы можем сохранить *это*, разве нет?

– Ты доверяешь мне свою безопасность? – спросила я, понимая, что вопрос прозвучал сейчас совсем не к месту, но внезапно он показался мне жизненно важным. Но я видела, как ранит Лиам моя скрытность, какую причиняет боль.

– Милая, если мне придется выбирать между тобой и сотней лучших охранников Грея, я всегда выберу тебя.

Тогда я приподнялась на цыпочках и поцеловала его в губы, застав врасплох.

Когда я отстранилась, мои пальцы по-прежнему сжимали его футболку. Мне показалось, что мой голос звучит хрипло и неуверенно. Мне приходилось заставлять себя произно-

сить эти слова, да и смогу ли я подобрать нужные, когда мне настолько не по себе.

– Я хочу...

Удивленное выражение на его лице сменилось ожиданием. Парень внимательно смотрел на меня.

Я хочу... Я почувствовала, что краснею. Вот только из-за чего – от смущения или от ярких образов, которые замелькали в моей голове. Никогда я не чувствовала себя такой напряженной и неуклюжей. Я и раньше целовала Лиам и *по-настоящему*, но каждый раз была тому словно какая-то *причина*: стресс, гнев или что-то еще. И каждый раз в этот момент вторгалась реальность, заставляя нас отстраниться друг от друга. И только сейчас в первый раз я подумала о *нем*, о том, какой он. *Весь*. Я могла никуда не торопиться, чтобы насладиться этим познанием его и почувствовать. Прикосновения его рук. Шершавость его щетины. Услышать тихие, сдавленные звуки, которые зарождались в его горле.

Мы были *в кладовке*, а снаружи, в кухне, туда-сюда сновали дети, гремя посудой. Разумом я понимала, какие ограничения накладывают эти обстоятельства, но в следующий раз, если мы окажемся где-то еще и снова наедине, и у нас будет время – что тогда? Мое тело задрожало от паники и от желания одновременно. Я не знала, что делать. Как не надевать глупостей.

Лиам накрыл мои руки своими и прислонился к полке. Когда я увидела его улыбку, меня охватило чувство облег-

чения. Он понимал. Конечно, понимал. С того момента, как мы с ним встретились, он знал меня лучше, чем я сама.

Когда он заговорил, его голос звучал нежно, но лицо говорило совершенно иное. В его глазах горели озорство и голод. Меня словно ударило молнией, когда я осознала, что это из-за меня.

– Знаешь, милая, я тут кое о чем подумал.

– Правда? – пробормотала я, сосредоточенная в основном на том, как ласкает мою нижнюю губу его большой палец.

– Именно. Так вот, тебе семнадцать, а мне восемнадцать, и мы имеем чертово полное право встречаться как обычные подростки. Как нормальные, счастливые, сумасшедшие подростки.

Лиам запустил два пальца за пояс моих джинсов и притянул меня поближе. Мне нравилось, когда он начинал говорить вот так – тихо и вкрадчиво. Его акцент проявлялся сильнее, теплее, как летний воздух перед грозой. На меня обрушилось фирменное стюартовское очарование, и я была совершенно беззащитна перед ним.

– Хочешь выслушать правила?

Мое сердце заколотилось как отбойный молоток, и я кивнула. Теплая рука скользнула по моим бедрам, под рубашку и замерла на поясице. Я закрыла глаза, но его губы лишь слегка коснулись моих. Его прикосновение придало мне смелости, прогоняя сомнения так далеко, что они уже не имели надо мной власти.

– Во-первых, ты не задумываешься об этом слишком сильно. Во-вторых, ты говоришь, когда захочешь остановиться. В-третьих, ты делаешь все, что тебе нравится. В-четвертых...

– ...ты прекращаешь болтать, – оборвала его я и, на шарив позади себя дверь, ее захлопнула, – и целуешь меня?

Он подчинился, еще посмеиваясь, а потом рассмеялась и я. Потому что мне все еще было неловко, потому что его счастливая улыбка была такой заразительной и потому, что это дурацкое первое правило вообще не имело значения. Все мои мысли занимал только Лиам. Сотни сумасшедших эмоций расцветали в моей груди – и во всех был он. Поцелуй стал еще жарче, Лиам мягко заставил меня приоткрыть рот – я повторила движения его языка и была вознаграждена тихим возгласом одобрения.

Нормальная. Счастливая. Сумасшедшая. Для него.

Через полчаса я слышала, как Коул несколько раз окликнул меня из коридора, после чего и сам он влетел в кухню и принялся с грохотом рыться в огромном обшарпанном холодильнике. Это дало мне время отлепиться от Лиама, снова ненадолго прижаться к нему, а потом уже выйти навстречу Коулу.

– Животное нужно покормить, – бросил Коул, наполняя водой бумажный стаканчик. – Или ты забыла о нем?

Легкое, чудесное счастливое облако мгновенно рассеялось, и я снова грохнулась на землю.

– Я никогда не забываю о Клэнси. – Я не смогла сдержать раздражения. – Разве не предполагалось, что я доверяю тебе обо всем этом позаботиться?

– Нет, не предполагалось, – отозвался Лиам из кладовки. Коул улыбнулся.

– После лекарств, которыми мы его накачали, у него еще пару дней будет трещать голова. Когда я запер его в его маленькой клетке, парень еще толком не пришел в себя. Похоже, он чуть в штаны не наложил от страха.

– Порядок. Давай с этим покончим.

Но вместо того, чтобы подняться на верхний уровень, Коул повел меня дальше по коридору на нашем нижнем, мимо нескольких спален и подошел к двери с табличкой «АРХИВ». Он вручил мне небольшую связку ключей – нужный с трудом входил в замок. Быстро осмотревшись по сторонам – убедиться, что на нас никто не смотрит, я подергала ручку двери, проверяя, чтобы она точно захлопнулась за нами, и мы проскользнули внутрь. Дернув за шнур, Коул включил единственную лампочку под потолком.

Она осветила простые, удобные металлические полки, на которых громоздились коробки и стопки бумаги – материалы прошлых операций, если, конечно, кто-то купится на то, что написано на двери. На первый взгляд все смотрелось достаточно убедительно. Пока я разглядывала целую библиотеку папок и подшивок, аккуратно выстроившихся на полках, Коул подошел к двум стеллажам у дальней стены.

– Вот этот, – сказал он. – За красной коробкой. Потяни за него.

На пыльной крышке этой коробки для бумаг виднелись свежие отпечатки пальцев – кое-кто уже воспользовался потайным рычагом, спрятанным у дальней планки, к которой крепилась полка. Я дернула его наверх и тут же с удовлетворением услышала громкий щелчок, а шкаф повернулся ко мне боком, открывая короткий проход. Лампы включились автоматически, затопив тесное помещение архива ослепительным, невероятно белым светом.

В конце прохода находилась еще одна запертая дверь. Здесь нужно было вставить ключ и ввести код доступа 4–0 – 0–4 – 0–0 – 4, и только тогда дверь с шипением отворилась.

– Я буду здесь, – негромко произнес парень. – Поддай знак, если я тебе понадобится.

Это тоже было частью нашей договоренности – Коул хотел, чтобы кто-то прикрывал меня, контролируя ситуацию у двери, когда я захожу, чтобы покормить этого гаденыша. Я выбрала его, Кейт или Вайду, но в списке был и Толстяк, поскольку он всегда хорошо сопротивлялся влиянию Клэнси.

Я вошла во второй коридор. Коул закрыл за мной дверь и запер ее.

С обеих сторон за стеклом располагались две тюремные камеры, примерно три метра на полтора каждая. И в каждой имелись койка, пластиковый унитаз и ведро воды для умывания. Камеры выглядели гораздо приличнее, чем сырые, душ-

ные комнатухи, обустроенные в помещении для допросов в Штабе. И света в них было больше – кипельно-белые стены и открытые лампы дневного света над головой даже заставляли щуриться. Вряд ли это соответствовало привычному для Клэнси Грея уровню жизни, но он, похоже, даже здесь ощущал себя вполне комфортно, растянувшись на койке и прикрыв глаза рукой. Должно быть, прежде чем притащить сюда парня, Коул поставил его под душ и передел в чистые шмотки. Это было больше, чем Клэнси заслуживал.

Когда я подошла к двери, Клэнси не шелохнулся. За металлической створкой был врезан еще один замок, второй ключ подошел, и окошечко в двери скрипнуло, открываясь. Однако наш пленник по-прежнему никак не отреагировал. Я забросила внутрь пакет с едой, оставила стакан с водой на маленькой подставке с другой стороны и заперла окошечко снова, еще раз проверив его, перед тем как уйти. И только когда я уже повернулась, Клэнси все же заговорил.

– Переезд фигово складывается? – Клэнси лег на бок лицом ко мне, и в его голосе прозвучало пугающее любопытство. – Ты думаешь так громко, что я слышу твои мысли сквозь это стекло.

Сама не понимая почему, но я испугалась, что это было действительно так. Но я же чувствовала, как он пытается проникнуть в мое сознание. От этого у меня всегда возникало покалывание в затылке и шее.

Клэнси подцепил ногой пакет со снедью и подтащил его к

койке. Разглядывая содержимое сэндвича, он скривился:

– Что, к западу от Техаса не нашлось ни одного стейка? Что это за мясо?

Я закатила было глаза, но поняла, что это не попытка меня подколоть.

– Болонская колбаса.

Клэнси приняхался, губы его брезгливо дернулись. После чего он сунул сэндвич обратно пакет.

– Думаю, я лучше поголодаю.

– Да на здоровье.

– В любом случае, – продолжал Клэнси, проигнорировав мою реплику, – я даже разочарован. Я думал, что ты первым делом явишься сюда, чтобы продемонстрировать зло-радно-торжествующую физиономию, потому что маленькая флешка наконец-то снова у тебя в руках. Где самодовольный вид? Почему настроение такое кислое?

– Причина прямо передо мной.

Он коротко усмехнулся.

– Я переоценил твою способность сразу же оценить ситуацию. Флешка вообще работает или все стер электромагнитный импульс? А как насчет тех бумажек с записями, которые ты вытащила из огня? Похоже, ты так до сих пор и не выяснила, чем занимаются в Термонде? Я угадал?

Невидимая рука будто вцепилась в мое горло, потянув за собой. *Термонд?* Что такое происходит в Термонде? И почему, поймав мой непонимающий взгляд, Клэнси выглядит так

чертовски торжествующе?

«*Не вздумай спросить*, – приказала я себе, борясь с паникой, которая раскручивалась внутри меня из-за одного этого слова. – *Не реагируй*».

Клэнси отломил кусок булки и запихнул в рот. Я продолжала молчать, и уголок его рта поднялся в ухмылке.

– Если ты хочешь узнать, тебе придется заглянуть и выяснить самой. – Он постучал себя по лбу: вызов или приглашение. – Я знаю, что ты злишься, – снова заговорил парень, – из-за того, как все обернулось там, в Лос-Анджелесе.

«*Термонд*, – продолжало крутиться у меня в голове. Это слово проникло в меня словно вирус – на что Клэнси и рассчитывал, нечего даже гадать. – *Он несколько недель находился взаперти, и получать новую информацию было неоткуда*». Разве что эта информация вообще не была новой – просто карта, которую он припрятал, ожидая подходящего случая, чтобы ее разыграть.

Я ответила не сразу.

– «*Сержусь*» – это слишком слабо сказано.

Парень кивнул.

– Но однажды... однажды – может, пройдут месяцы или даже годы, – ты все же поймешь: уничтожить это исследование было благородным поступком, а не эгоистичным.

– Благородным? – Я снова повернулась к стеклянной стене, которая разделяла нас с Клэнси. – Отнять у детей шанс выжить и никогда не стать прежними? Ограбить их, лишив

единственной возможности воссоединиться с семьей и вернуться домой – это для тебя *благородство*?

– А ты *этого* хочешь? Я-то думал, ты зациклилась на том, чтобы успеть освободить Термонд, – бросил Клэнси, изучая виноградину. – Это фермерские?

Я повернулась и быстро зашагала к двери, стараясь не бежать.

– Руби, послушай меня. Лекарство – это еще один способ контролировать нас, отнять у нас возможность самим принимать решения. Ты же переправила материалы исследования сюда? И что дальше? Разве тебе дали хотя бы взглянуть на них? Знаешь ли ты, где они сейчас?

Мои руки сами сжались в кулаки.

– Это же не волшебное исцеляющее средство. Лекарство не сотрет из нашего сознания память о том, кем мы являемся. Даже если не случится побочных эффектов, мы будем обречены на то, чтобы ждать, наблюдать, молиться, что эти способности не вернуться к нам снова. Скажи мне, – сказал Клэнси, подтянув под себя ноги и по-турецки устраиваясь на койке. Я молча наблюдала, как он барабанит пальцами по колену. – Узнав о том, что существует лекарство, агенты стали относиться к вам по-другому?

В воздухе повисла тишина. Он улыбнулся.

– То, что они пытались проверить, вообще не связано с вами. Может, вам говорили что-то иное, чтобы вы их слушались, чтобы завоевать ваше доверие, но исполнять обещания

никто не собирался. Даже Стюарт.

– Единственный человек, которому мне не следует доверять, – это ты.

– Чего бы вы ни пытались добиться отсюда, – Клэнси понизил голос, – соберите на свою сторону столько детей, сколько получится. Пусть они идут за тобой и доверяют тебе, а не кому-то из взрослых. И если взрослые хоть когда-то начнут видеть в тебе больше, чем полезное оружие, считай, что повезло.

– Конечно, это же так просто – найти детей в укрытиях, которые разбросаны по всей стране?!

– Я могу помочь тебе выследить тех, кто сбился в группы и кочует с места на место. Ты можешь их обучить, научить защищаться. Развязка уже близка, и если ты их не найдешь, они пополнят собой список сопутствующих потерь.

Я скрипнула зубами, но не успела ответить, как Клэнси заговорил снова.

– Забудь о взрослых, Руби. Веди за собой детей. Заставь их полюбить тебя, и они будут навечно верны тебе.

– *Заставить* их полюбить меня, – повторила я, ощутив новый приступ гнева.

– Не все в Ист-Ривере было ложью, – сухо заметил он.

Но все важное, что происходило там, каждое воспоминания о том месте, было отравлено мерзким прикосновением его черной силы. То, как он изучал меня, сидя напротив у костра... Как обходил любую защиту в моем сознании... То,

как эти дети, эти малыши, смотрели на него с обожанием и преклонением. Меня пробрала дрожь. Комната внезапно показалась мне слишком маленькой и слишком холодной. Я не могла больше здесь находиться и выслушивать тошнотворную чушь, которую он выливал на меня.

Выключив в коридоре свет, я набрала кодовый замок. А голос Клэнси плыл ко мне через темноту, продолжая звучать словно отовсюду одновременно.

– Когда ты будешь готова взять на себя ответственность и действительно начать что-то *делать*, дай мне знать. Я буду ждать здесь.

И судя по тому, что я увидела, когда оглянулась на Грея в последний раз, именно здесь он и хотел быть.

Глава седьмая

Коул не произнес ни слова, пока мы не вышли в коридор и между нами и сыном президента не оказалось несколько дверей. И все равно он казался погруженным в собственные мысли, его светлые брови сошлись на переносице, а руки были скрещены на груди.

– Ты слышал, что сказал Клэнси? – уточнила я.

Он кивнул.

– Через маленькую решетку под наблюдательным окном.

– До того, как нас атаковали, ты не слышал ничего нового о Термонде? – спросила я. – По штаб-квартире не гуляли никакие слухи?

– Я-то надеялся, ты поняла, что он имел в виду, – ответил Коул. – Я изучу этот вопрос.

Дети тянулись в бывшую комнату отдыха, ту, что слева от лестницы – там накрыли ужин. Коул явно хотел смыться в бывший кабинет Албана, но я поймала его за руку.

– Мы собираемся обсудить план насчет лагерей?

– Не сегодня, – он помотал головой. – Мы еще ждем прибытия минимум двух машин, и я хочу сделать несколько звонков по старым контактам насчет продовольствия. Самое важное сейчас – обустроить это место. Если не сможем обеспечить детям чистую одежду и горячую еду, кто поверит, что мы вообще на что-то способны. Я попросил кое-кого из Зе-

ленных подумать о стратегии: как бы они провернули нападение на лагерь. А еще мы все должны отдохнуть. Потому что скоро все начнется.

Махнув мне рукой, Коул скрылся за дверью, которая вела в другой коридор. Я тоже помахала ему в ответ и двинулась на запах соуса для спагетти – в комнату отдыха, где аккуратными рядами были расставлены складные столы и стулья. Откуда-то взялся и маленький радиоприемник. Его поставили на потертый бильярдный стол, который не забрали – какая щедрость! – агенты. Рядом с приемником обнаружись два больших стакана со столовыми приборами и удручающе низкая стопка бумажных тарелок.

Прошло всего несколько часов, и Ранчо начало казаться... чистым. По коридорам нижнего этажа гуляло эхо от грохота стиральных машинок и сушилок, которые, кажется, работали весь день. Я вдруг увидела, что плитки пола выглядят скорее белыми, чем желтыми. И когда я вошла в ванную, чтобы сполоснуть лицо, на коже не остались брызги ржавой воды. Пахло хлоркой. Чистящими средствами. В этом было что-то... почти домашнее.

К двери кнопками были приколоты два листка бумаги. Я сразу узнала почерк Лиамы, но не сразу сообразила, что это за таблицы и почему рядом с каждой висит на нитке огрызок карандаша. Это был график дежурств с указанием обязанностей: стирка, уборка, готовка еды. Под каждым заголовком – список имен. Это было так в духе Лиамы.

Он сам, Толстяк, Вайда и Зу сидели за отдельным столом, склонив головы друг к другу. Вайда заметила меня первой и тут же замолчала, откинувшись назад и снова непринужденно взяла вилку. Закончив накладывать себе макароны, я направилась к ним.

– Что происходит? – Подтащив стул, я устроилась рядом с Лиамом. – Я видела график дежурств – почему ты не сказал мне раньше, чтобы я тоже могла записаться.

Лиам поднял взгляд от своего блокнота. Проследив за движением его руки, я увидела последовательность цифр – уравнения, которые он, кажется, пытался решить.

– Все в порядке. Ты занята другими вещами.

Другими вещами, в число которых, к сожалению, не входила возможность оказаться в кладовке с ним наедине.

– Что это? – спросила я, наклонившись, чтобы получше разглядеть, чем он занят.

Парень грустно улыбнулся.

– Пытаюсь вычислить, когда именно у нас кончится еда. Я подумал о городах, что поблизости. Наверняка есть места, куда мы можем отправиться за припасами, особо не рискуя наткнуться на местных жителей.

– Коул сказал, что возьмет это на себя, – сообщила я.

Лиам хмыкнул.

Эта реакция заставила меня возмутиться.

– Покидать Ранчо прямо сейчас слишком опасно. Он позаботится об этом.

Зу усталилась на меня. На ее лице была написана тревога. Я показала ей глазами на тарелку с макаронами, но девочка к ним даже не притронулась.

– *Мы* можем выйти наружу, – настаивал Лиам. – Ты, я, Ви. Черт, держу пари, Кайли тоже пойдет – как в старые времена.

Протянув руку, Зу схватила Лиам за предплечье, придавив его к столу. Расширив глаза, девочка, не переставая, качала головой. Ему не разрешалось уходить. Она не собиралась его отпускать. И втайне я была рада, что именно она ему это сказала, потому что я была с ней полностью согласна. Я хотела, чтобы Лиам оставался здесь, в безопасности, где ему ничто не причинит вреда.

– Я уже сто раз это делал, – мягко напомнил он ей. – Что тебя так напугало?

Зу отпустила его руку и съежилась на своем стуле, что было совсем на нее не похоже. Я начала было спрашивать девочку, что происходит, но тут меня прервал недовольный возглас.

– О, *не стоит беспокоиться*. Я даже не проголодался! – взорвался Толстяк, отпихивая от себя миску с остатками макарон. На его рубашке было больше соуса, чем в тарелке. Оказалось, что довольно сложно донести вилку со скользкими макаронинами до рта, когда в зрительно-моторной координации не хватает *зрительной* части.

Я покосилась на Вайду, удивленная тем, что она не стала добивать его. Вся комната была наполнена радостной бол-

товней и смехом. Из-за этого молчание Вайды напрягало еще сильнее.

– Напрасно ты выбросил старые линзы. Они не так уж сильно потрескались.

– А что мне еще было делать? – возмутился Толстяк. – Скотчем их к лицу приклеить? Ходить, держа одну перед глазом как увеличительное стекло?

– Может, так было бы лучше, чем угрюмо бродить вслепую, натываясь на все подряд? – спросила я. Недавно парень вышел из себя и в бессильном раздражении швырнул то, что осталось от очков, в мусорку. Я выудила их оттуда и положила рядом с кроватью – вдруг он все же успокоится и снова будет способен мыслить разумно. – Мы можем попросить Коула добавить очки в список нужных вещей, – предложила я.

– Линзы делали по рецепту, – бросил Толстяк. – Даже если мы найдем возможность их сделать, я понятия не имею, какие нужны. Очки для чтения недостаточно сильные, и у меня болит голова, когда я ношу их слишком долго...

Не поднимая взгляда от своей тарелки с макаронами, Вайда что-то пихнула ему через стол. Должно быть, Толстяк решил, что это какой-то столовый прибор, иначе сразу вцепился бы в очки.

Оправа была примерно того же размера и формы, что и прежняя. Линзы из нее слегка торчали (было бы смешно думать, что все подойдет идеально), но не выпадали, держались

прочно. Я раскрыла оправу и надела ее на Толстяка, который удивленно отпрянул, недоверчиво ощупывая очки.

– Погоди... что... это... они...

– Не обделайся от счастья, – буркнула Вайда, с небрежным видом собирая спагетти вилкой. – У Долли были запасные очки для чтения, и она помогла вставить в них твои линзы. Они выглядят такими же идиотскими, как и старые, но, по крайней мере, ты что-то в них видишь.

Мы с Толстяком потрясенно уставились на нее.

– Ви... – начала я.

– Что? – Ее голос взлетел вверх, и в нем прозвучал вызов. Словно Вайда скорее защищалась, чем злилась. – Я устала быть его собакой-поводырем. И я чувствовала себя сволочью, когда меня все время смешило, если он спотыкался или натыкался на что-то... а мне не нравится постоянно чувствовать себя сволочью, понятно?

– Сложно идти против своей природы... – начал было Толстяк.

– Это он так говорит «спасибо», – мгновенно вмешалась я. – Ви, это было действительно очень любезно.

– Ага, ладно.

Ничего себе, она *и правда смутилась*. И я принялась жевать макароны, чтобы скрыть улыбку.

– Я не спасла голодающих детей Африки или что-то вроде того. Если он разобьет и эту пару, значит, он полный лузер.

– Погоди, что? – потрясенный голос Лиама ворвался в наш

разговор. Он придвинул к себе листок бумаги, на котором Зу писала ему записки. – Уверена? Я имею в виду, в положительном смысле. Почему ты мне раньше не сказала?

Зу потянулась через стол и снова выхватила листок у него из рук. У парня не хватило терпения подождать, пока она закончит, и он неловко извернулся над столом, чтобы прочитать, что пишет девочка.

Я думала, ты уйдешь, отправившись искать их. Прости.

– Понятно, – вздохнул Лиам, схватившись руками за голову. – Я бы не ушел. И не уйду. Тебе не за что извиняться. Я понимаю. Но ты уверена? Тебе не показалось?..

Внезапно он застыл, словно от прочитанного ему стало не по себе.

– Это на нее похоже... Но как это вообще случилось? Что ты делала в Аризоне?

Толстяк помахал рукой перед лицом друга.

– Не хочешь поделиться?

– Зу... – Лиам прижал к горлу кулак и с силой потер кожу. – Кажется, на пути в Калифорнию Зу встретила мою мать... Я пытаюсь сообразить, где все это время они скрывались.

Зу, по-прежнему бледная, пристально смотрела на Лиам, будто не поверила в его обещание. Я откинулась на спинку стула, ощущая, как искра беспокойства во мне разрасталась во всепожирающее пламя. Для нас всегда было главным – держаться вместе, вчетвером, как одна команда. Мы редко

разделялись, и даже тогда никто не оставался в одиночестве. Я могла понять ее потребность снова ощутить это содружество, желание нагнать упущенное. Когда я видела ее отчаяние, то, как она постоянно следит за нами – будто хочет убедиться, что мы все еще здесь, у меня разрывалось сердце.

Что с ней произошло? Пугаться или о чем-то волноваться было не в характере Зу. Во всяком случае, я этого в ней никогда не замечала. Кто-то сделал это с ней, превратив в сплошной комок нервов. Содрал защитный слой кожи, оставив незаживающую открытую рану.

– После того, как ты унес свою глупую задницу из того лагеря, у них на хвосте наверняка повисли ищейки Грея, – уточнила Вайда со свойственной ей чуткостью.

– Почему Аризона? – спросила я. – Или вы решили, что выбор другого места должен быть случайным.

Зу что-то снова яростно строчила, недовольно поднимая взгляд, когда мы слишком над ней нависали. Сдаваясь, Лиам поднял руки.

– Как вам будет угодно, мадам.

Девочка закончила писать, и прочитанное меня просто ошеломило. И судя по тому, как еще больше побледнел Лиам, он тоже ожидал совсем иного.

Они прячут детей в доме – защищают их. Она назвалась Деллой Гудкайнд, как ты и говорил. И я знаю, что это была она, потому что она выглядит и говорит как ты. Я сказала ей, что ты в безопасности.

– О, боже, – выдохнул Толстяк, когда я пихнула к нему страничку. – Почему я не удивлен? У тебя вся семья сумасшедшая, будто с дерева свалились, стукнувшись по пути об каждую ветку.

Зу осуждающе постучала карандашом по кончику носа и продолжила заполнять страницу своим округлым почерком.

У нас было лишь несколько минут, но она была действительно очень мила.

Сейчас у Лиамы был вид голодного ребенка, который ходит кругами мимо чей-то корзины для пикника.

– Она говорила что-то еще? Гарри тоже был там с ней? Ты сказала, она помогала детям, но спросила ли она тебя, хочешь ли ты остаться? Или других девочек? Так вот, куда делся Тэлон?

– На какой из этих вопросов ей ответить первым? – спросил Толстяк. – Потому что за две секунды ты задал сразу десяток.

Зу отшатнулась, вжавшись в стул. Карандаш покатился по столу, упал ей на колени, и она опустила глаза вниз – на пальцы, которые мяли край рубашки.

– Кайли обмолвилась, что Тэлон не добрался до Калифорнии, – осторожно заговорила я. – Его ранили? Или он?..

– Или парнишка загнулся? – жестко закончила Вайда. – Ах, простите. Или предполагается, что я буду вести себя, как и остальные, и с тобой сюсюкаться и подслащивать пилюлю? Или ты уже большая девочка?

Лиам покраснел от гнева.

– Достаточно...

– Ты понятия не имеешь, о чем вообще говоришь! – про-ревел Толстяк.

– Это нечестно... – начала я.

Единственным человеком, которого эта ситуация, похоже, даже не задела, который вообще не выказал никаких эмоций, – была сама Зу. Несколько секунд она пристально смотрела на Вайду, отвечая на ее тяжелый взгляд таким же. Потом вернулась к своему листу бумаги и снова принялась быстро писать. Лиам и Толстяк излучали молчаливое негодование.

Зу снова подняла лист бумаги, на этот раз повернув его так, чтобы даже Вайда смогла прочитать написанное.

Нас догнали охотники за головами, и он погиб, когда мы попали в аварию. Один друг помог мне добраться в Калифорнию, когда я отстала от остальных.

Я тихонько вздохнула и закрыла глаза, отчаянно пытаюсь думать о том, как это случилось. Ох... Тэлон. Он не заслужил этого. Никто не заслуживает.

– Друг? – выделил это слово Толстяк. – Еще один ребенок?

Сузуми покачала головой и только.

– Взрослый? За рулем был *взрослый*? – Лиам провел по лицу руками. – Когда я представляю эту картину, она пугает меня до усрачки. Нам не следовало разделяться. Никогда.

Никогда. Господи. Ты не боялась, что он тебя сдаст?

Зу была такой неподвижной, такой бледной, что мне в какой-то момент показалось, что она перестала дышать. Девочка подняла взгляд к потолку и быстро заморгала, будто пытаясь сдержать подступающие слезы.

– Она хорошо разбирается в людях, – сказала я, обнимая Зу за плечи. Какая же она маленькая! Тонкие, словно птички, острые косточки выпятились еще больше от голода и стресса.

– И как именно ты пришла к этому выводу? – поинтересовался Толстяк, поправляя очки. – Потому что она впустила тебя в фургон, а не захлопнула дверь, оставив тебя снаружи?

– Именно, – кивнул Лиам. – Мне кажется, я припоминаю, что *кое-кто* предлагал голосовать, чтобы выгнать Руби.

– Ага! – сказала я. – Огромное тебе спасибо. Ты пытался посадить меня на какой-то неизвестной дороге.

– Прости, что хотел позаботиться обо всей группе! – обиженно бросил Толстяк.

Зу снова начала что-то писать, но Вайда вырвала лист бумаги у нее из пальцев, махнула им перед глазами у девочки и разорвала прямо посередине.

– Если ты хочешь что-то сказать, так, черт побери, *скажи* это.

С громким скрежетом Вайда отодвинула стул, прихватив с собой тарелку. Я видела, чего ей стоит сдерживаться, по ее неподвижному задранным подбородку и отведенным назад

плечам. На какой-то момент перед глазами вдруг замелькали кадры из старых мультфильмов, которые мы с родителями смотрели по выходным, – то, как, пожирая запал, к гряде динамита несется искра.

Лучше бы я за ней не ходила.

– Ви! – позвала я, переходя на бег, чтобы ее догнать. Девушка – сочетание напрягшихся мышц и яростной силы – уже спускалась по лестнице на нижний уровень. Куда она вообще собралась?

– Вайда?

Я схватила ее за руку, но Вайда отшвырнула меня – достаточно сильно, чтобы я ударилась о стену. Вспышка боли пронизала мое плечо, но я не отступила. Верхняя губа Вайды была злобно изогнута. И все же, когда девушка поняла, что сделала, лицо ее немного смягчилось.

– Лучше убирайся отсюда, – буркнула она.

И тут я догадалась, что Ви просто пыталась уйти из комнаты. От нас.

– Не сейчас, – ответила я. – Что происходит? Поговори со мной.

Вайда отвернулась и зашагала прочь от меня, но вдруг резко повернула назад. Кажется, я снова ошиблась. И основательно.

– А ты не можешь оставить все как есть, а?! – рявкнула она. – Ты не в состоянии просто позволить человеку самому разобраться с его собственным дерьмом! Это даже смешно

потому, что ты со своим-то не можешь разобраться.

– Обещаю над этим поработать – чтобы меньше заботиться о других, – сказала я.

В этот момент в коридоре показался Зак – он шел в нашу сторону, избегая смотреть в тот угол, куда мы забились. А мы обе одновременно повернулись к нему спиной. Подождав, пока стихнут его шаги, Вайда резко выдохнула.

– Знаешь, я действительно думала, что ты и я... – Она загнулась на полуслове, а потом натянуто рассмеялась. – Забудь. Почему это тебя вообще волнует?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.